

Саша Кругосветов

ОВРЕМЕННИКИ
И ЛАССИКИ

Цветные рассказы

Том 2

Современники и классики

Саша Кругосветов
Цветные рассказы. Том 2

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Кругосветов С.

Цветные рассказы. Том 2 / С. Кругосветов —
«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»,
2017 — (Современники и классики)

ISBN 978-5-906916-36-5

Подражая Сэлинджеру. Перечитывая Борхеса. Вспоминая Кортасара.
Гуляя по тропинкам, протоптанным Бирсом. Споря с Кастанедой.
Размышляя над книгой Модiano. Не слишком ли много берет на себя
автор? Подражать, перечитывать, вспоминать, идти по следам... Еще
и спорить. Короче говоря, учиться. А что тут, собственно, плохого?
Тем более – учиться у мэтров, это никогда и никому не зазорно.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906916-36-5

© Кругосветов С., 2017
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2017

Содержание

Предисловие	6
Оранжевые рассказы	8
Дух третьего ущелья	9
Встань и иди	24
В темноте	24
Вероника	27
Встань и иди	29
Черные рассказы	32
Город, которого нет	33
Кременчуг. Game 1	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Саша Кругосветов

Цветные рассказы. Том 2

© Саша Кругосветов, 2017

© Максим Свириденков, 2017

© Интернациональный Союз писателей, 2017

* * *

Предисловие

Цветные рассказы. Почему бы им и не быть цветными? – мы же любим цвет, любим цветные картинки. Вот я и написал собственные «цветные рассказы». Так, как учили в Махабхарате.

При этом я далек от мысли пытаться точно следовать букве и духу древнеиндийской поэтики. Это не моя цель. Может, и цель, но не главная. Просто такая игра: выдержать внешнюю канву: «цвет – переживание».

Синий – эротика, любовь.

Белый – юмор, сатира.

Серый – сострадание, печаль, одиночество, может быть, – богооставленность.

Красный – гнев, ярость.

Оранжевый – достоинство, мужество, смелость.

Черный – страх. А до страха, на подходе к страху – уныние, депрессия, неуверенность, тревога, раздражение, безумие, испуг.

Сине-фиолетовый – отвращение.

Желтый – изумление, откровение.

Прозрачный, бесцветный – спокойствие, мудрость, умиротворение.

Игра состоит в том, чтобы написать рассказы, каждый из которых ассоциировался бы с определенным цветом. Чтобы попытаться передать читателю настроение, соответствующее выбранному цвету. Но это все-таки не главное.

Рассказы о другом. А о чем? О чем вообще эта книга?

Эта книга о том, как человек всю жизнь идет от тьмы к свету.

О том, что мы себя совсем не знаем.

О том, что даже такое светлое чувство, как любовь, может погубить человека.

О том, что всегда за нашим левым плечом идет смерть. И ждет, когда мы ошибемся.

О том, что человек – это точка разрыва непрерывной линии. Точка, в которой плюс бесконечность превращается в минус бесконечность. О том, что мы никогда не узнаем себя до конца.

О том, что невозможно отрешиться от жизни, добиться абсолютной прозрачности мыслей и абсолютного спокойствия.

Книга разбита на 18 разделов, каждый из которых представляет собой законченный самостоятельный рассказ. Восемнадцать рассказов. Под каждый цвет – два рассказа, большой и поменьше. Они дополняют друг друга, позволяют взглянуть на одни и те же проблемы и переживания героев с разных сторон, с разных точек зрения.

Действие происходит в Советском Союзе и в России с 60-х годов прошлого столетия по 10-е годы XXI века.

Персонажи переходят из рассказа в рассказ. Можно выделить две основные группы героев – окружение двух несвязанных между собой семей. Одна группа представляет собой круг родственников и знакомых Феликса Петровича Эйлера. Другая собирается вокруг Боба, Бориса Николаевича Романова.

Феликса мы наблюдаем в разных ситуациях, начиная с его 25-летнего возраста («Дух третьего ущелья») и заканчивая рассказом, где ему уже за семьдесят («Третья встреча»); Боба – с семнадцати («Неделя у тетушки Доры») до сорока с лишним лет («Придет время, и она возьмет нас в свой замок»). Примерно то же происходит с их родными, близкими, друзьями, с их окружением. Мы увидим героев на разных этапах их жизненного пути, в различных ситуациях и обстоятельствах, подчас в неожиданном ракурсе, а иногда – и в новом свете.

Поскольку мы следим за эволюцией героев в течение довольно длительного промежутка времени, книгу «Цветные рассказы», по-видимому, можно определить как домашнюю сагу, историю семей Эйлеров и Романовых.

Истории разных поколений этих семей читатель словно наблюдает в замочную скважину. И перед ним разворачивается необычная картина привычного мира, складываясь в своеобразную «Цветную сагу».

Саша Кругосветов

Оранжевые рассказы

Дух третьего ущелья

«To knock higher than a kite» – если уж запускать змея, то выше всех!

Феликс Петрович приболел. Да-а, пожалуй, сейчас не лучший момент для недомогания, не время и не место... Пицунда, сентябрь, бархатный сезон, он один, молодой, сильный, что хочешь, то и делай – ныряй, плавай, загорай – самое время для курортной интрижки. А у него температура, потливость, нос болит – видимо, перенырял, может, вода слишком холодная, черт его знает... В общем, поймал гайморит совсем некстати. Болеть всегда некстати... Наглотался таблеток тетрациклина – топорный антибиотик советских времен – устроился на пляже в прозрачной тени чахлах красноватых кустов то ли барбариса, то ли пузыреплодника, спал, ворочался, лениво посматривал со стороны на неспешные пляжные перемещения курортников, ждал, пока антибиотик вкупе с могучими токами его молодого тела сделают, наконец, свое дело.

Феликсу – двадцать восемь; не женат, свободен, прежние любви отплыли в теневые области сознания, а новые... Новая любовь? Да-а-а... Пожалуй, это большой вопрос. Жуля, дурацкая кликуха. Но ей почему-то нравится. Жанна, Жанночка, Жаннет... Почему не Жуля? Довольно ласково. По-свойски. Пожалуй, чуть пренебрежительно. А вообще-то, довольно тепло.

Договорились встретиться сегодня. Надо собираться; идти-то – не близкий путь, а сил, честно говоря, – никаких. В общем, он совсем не в форме. Ничего хорошего из этой встречи все равно не получится. Разве можно отправляться на романтическое свидание в таком состоянии? Одежда его не волновала. Жанна хорошо знает, что за человек Феликс; ей неважно, что он будет в потрепанных шортах, выцветшей рубашке, в сандалиях на босу ногу... Это же обычный советский курорт, даже не курорт – популярное место отдыха, где гостиницы и пансионаты – только для немногих избранных и блажных... Как здесь надо одеваться? Словом, Феликс был далек от образцового юноши совкового бомонда, но Жанне он нравился – профессия, образование, культура, характер... Плюс заработок... Как знать, может, заработок как раз важнее прочего... Да, Феликс – парень хоть куда... Не красавец, конечно... Зато в себе куда как уверен... И косая сажень в плечах. Жанна говорит: «Я тебя выбрала, потому что у тебя правильная посадка головы». Дура все-таки эта Жанна. Или большая хитрюшка. Хитрюшка, хитрюшка. Показывала фотографии. Вот, говорит, я с Витей, мой приятель, чемпион по боксу в тяжелом весе... Приятель... Я знаю: она уже побывала замужем, разошлась. Штамп из паспорта как-то вымарала. Ну, не вымарала... Может, паспорт сменила.

От расположившейся неподалеку стайки бабочек в ярких купальниках отделилась высокая девушка с бледным, почему-то незагорелым лицом. «Какие все-таки красивые ноги у Любы, – подумал Феликс. – Плечи, спина. Женственная, гибкая, с тихим кротким голосом. Чистая душа! Прелестные веснушки... А как танцует! Странно: совершенно очаровательная девушка... и никакого интереса не вызывает – парадокс... Мне почему-то больше нравятся эдакие ласковые кошечки, мягкие, пушистые, правда, потом выясняется... Коварные создания, безнравственные лицедейки, хорошо законспирированные тайные стервы... Вот, кто они такие на самом деле. Получается так...»

– Как дела, Феликс, ты оклемался? – спросила Люба.

– Сколько раз нужно повторять, Любочка?! Я – Феликс Петрович. И, пожалуйста, на «ВЫ».

– Сколько раз, сколько раз, – передразнила его Люба. – Феликс Петрович, да еще на «вы» – с какой стати? Ненамного ты старше нас, нам всем по двадцать пять, только Маринке – восемнадцать.

– Потому что старше вас, немного, но старше, потому что опытнее и умнее. В конце концов, я – мужчина. И вы все должны мне повиноваться.

– Вот я и пришла, чтобы повиноваться, Феликс Петрович. Ты говорил, что собираешься в Третье ущелье. Что там интересного?

– Интересного? Если б ты знала, Любочка, как там хорошо – свежая зелень, прохлада, прозрачный ручей. Вдоль ручья с гор спускаются торговцы. На ослах. Привозят фрукты – виноград, гранат, арбузы... Чача, домашний сыр, лаваш, чурчхела, хачапури. Но вам все равно туда не добраться.

– Это еще почему?

– Дорогу по берегу перегораживает огромная скала, в ней пробит туннель. Пройти можно только через этот сквозной проход. Говорят, лет тридцать назад хотели железную дорогу построить, а потом забросили почему-то. В туннеле темно и довольно опасно, не, вам не пройти.

– Темно, страшно, опасно – пугаешь?

– Да нет, говорю, как есть... Раньше у туннеля было два этажа. Предполагалось так: низ – для ЖД, верх – для авто. Сейчас потолок первого этажа местами обрушился, образовались огромные дыры... Если случайно попадешь на второй этаж... Там трудно удержаться, можно соскользнуть и вниз грохнуться... Не дай бог, конечно, но случаи такие были.

– Ты ведь собираешься туда, знаешь, как пройти, вот и возьми нас с собой. Ну, пожалуйста, Феся...

– Это далеко, по берегу плюхать – будь здоров.

– Давай, мы моторку возьмем, я с Элико договорюсь. Нас пятеро, скинемся, а тебя как проводника возьмем так.

– Прямо до третьего ущелья?

– Нет, давай выйдем перед туннелем, все-таки интересно попробовать пройти через эту – «такую опасную», как ты говоришь, – пещеру. А обратно они придут за нами часа через три.

– Но у меня нет фонаря, там, в туннеле полная темнота. Бежать в город до магазина... Скоро вечер, времени не так много – мы тогда никуда не успеем.

– У девочек, я думаю, тоже нет фонарика, что же делать, что же делать? Придумай что-нибудь, Феся...

– Ладно, не ной, пойдем так... Я хорошо проход знаю, сумею провести и в темноте. Только чтоб вы меня слушались, и ни шагу без разрешения, ни шагу в сторону.

– Идет, я поговорю с девчонками, – обрадовалась Люба. – Обещаю, обещаю, Фелечка, мы будем очень послушными. А как ты себя чувствуешь?

Феликс уверил ее, что ничего – не рассыплется; на самом деле он чувствовал себя не очень. Но двигаться все равно надо было. Может, и неплохо, что он договорился с девушками, во-первых – меньше идти, во-вторых – в компании веселее. Черт бы побрал эту вертихвостку Жанну. Придумать такое... Она едет из Гудауты в Гагры. По пути остановится и спустится к Третьему ущелью. Как такое в голову могло прийти... Интересно, откуда она узнала про это Третье ущелье? Встреча на пляже, очень романтично! Ни поговорить, ни обняться, ни чего-то еще... Об этом и речи быть не может. Не заниматься же любовью на пляже под улюлюканье зрителей! Прямо, как в армянском анекдоте: «советчиков много». Приехала бы как человек в Пицунду. Как нормальный человек. Я подсуетился бы, снял комнату, хотя это и непросто. Нет, не получается у нас, мы всегда «так заняты, так заняты». Может, я ей не очень нравлюсь? Говорит, что нравлюсь. Что любит. Хотя она, конечно, отъявленная притворщица

и обманщица. Но какая женщина! Море обаяния. И фигурка точеная... Феликс Петрович вспомнил, как они познакомились.

* * *

Это произошло год назад. Тоже в бархатный сезон. Сколько всего случилось за этот год. Он путешествовал по Крыму. Чудесный, любимый Крым, исхоженный вдоль и поперек.

На полуостров добирался из Одессы. Вечером взял палубное место на пароме. Просто и недорого. Место... Никакого места это «место» не означало. Просто нашел уголок потише на деревянной палубе, завернулся в старое шерстяное одеяло. Не очень, конечно, удобно. Ночь выдалась холодной, и одеяло не особо спасало. Немного поспать все же удалось. Утро встретил уже в Севастополе. Неделю провел в Крыму. Встретился со старым приятелем. Познакомился с тремя студентками из Молдавии. Девушки симпатичные, общительные, в общем – сугубо положительные девушки. Одна из них выказывала ему явное расположение. Феликсу она тоже понравилась – миловидная, «спортсменка, комсомолка» & so on. Никаких душещипательных продолжений, однако, с ней не получилось. На второй день у девушки на губе выскочило огромное фуфло, она очень стеснялась, короче, все это не способствовало...

Потом неожиданное приключение в Алушке. Довольно опасное, между прочим... Скажу сразу, закончилось все благополучно – как для Феликса, так и для всех остальных. Это было еще до встречи с Жанной.

Феликс любил купаться в море на самой окраине города. Где ни набережной, ни парка, лишь отдельные жалкие хибары лепятся на крутом склоне, из года в год медленно, но уверенно сползающем в море. Не помогают бетонные тетраэдры – массивные, тяжеленные блоки, растопырившиеся четырьмя ногами в разные стороны. Глинистый склон, набитый картечью острых опасных камней, ждущих своего часа, чтобы в полной мере выказать наглым, крикливым людишкам свой злобный нрав, неуклонно ползет и ползет вниз, лениво поворачивая в сторону моря веер растущих на нем кипарисов – наподобие угловой решетки ленинградского Летнего сада.

Это место называют почему-то Вторым ущельем. На ущелье оно не очень похоже, но пляжа там действительно почти нет, и прибрежная полоса завалена огромными, в человеческий рост, отполированными черными камнями, по проходам между которыми купальщик, утопая по щиколотки в крупной гальке, может пройти и погрузиться в хрустальную, зеленоватую зыбь моря.

Но если волнение... Не дай бог попасть в это крошечное месиво беспощадных волн и упрямой земной тверди, ощерившейся неумолимыми каменными глыбами.

Феликс часто бывал здесь. Он хорошо знал и скалы, и проходы, и коварный нрав волн в этих теснинах. И не боялся здесь купаться. Даже, если шторм. И в этот раз он вбежал в воду, уплыл далеко в море, от души накрутился и накувыркался в пенистых волнах, а потом, на обратном пути отловил самый высокий вал, взлетел вместе с ним на вершину большого гладкого камня, называемого здесь «роялем» за плавные, изысканные изгибы, и съехал с него на попе прямо в прибрежную полосу гальки. Лихо! Местные ребята с восторгом наблюдали за маневрами приезжего парня.

Однажды ветреным вечером мальчишки – поклонники Феликса – разыскали его в городе и потащили к морю: «Давай, Феля, давай, поторопись, там дядька тонет. Не, знакомый, приезжий... Волна, блин, огромная, не выбраться ему – точняк утонет».

Прибежали ко Второму ущелью. Вот он. «Дядька» пытался плыть к берегу, отвоевывал немного пространства, потом набегала волна, крутила, бросала и вновь уносила пловца метров на двадцать назад в море.

Не могло быть и речи о том, чтобы прыгнуть в воду и попытаться вытащить человека, тут самому бы выбраться, не то, что вытащить другого. Феликс руками и голосом, с трудом перекрывая свист ветра и шум прибоя, объяснил бедолаге, что не надо приближаться к прибрежным скалам, пусть он не тратит попусту силы и остается в зоне, где волна еще не загибается и не захлестывает пловца. «Держись, мужик, мы скоро вернемся и поможем».

Заглянули в соседний дом, взяли у хозяина, старого знакомого Феликса, большущий моток толстой веревки. Феликс обернул веревку вокруг пояса, полмотка оставил у себя в руке, вторую половину – развернул и дал четверем ребятам – тем, кто постарше и покрепче: «Стойте на берегу и тяните изо всех сил, когда дам команду».

Зашел по грудь в воду. Тяжелые валы с ревом обрушивались на него, и когда волна опадала, Феликс упирался ногами в дно, а ребята тянули за веревку, чтобы его не унесло в море. Вода отходила, и тогда можно было увидеть попавшего в переплет купальщика – до него оставалось метров 10 – 12.

Феликс бросил моток веревки с петлей на конце как лассо, но веревка развернулась не в ту сторону, и волна погнала ее к берегу. С третьего-четвертого раза ему все же удалось сделать бросок поточнее. Моток упал недалеко от несчастного купальщика. Мужчина напрягся, собрал последние оставшиеся силы и рванулся к берегу; в конце концов, ему удалось зацепиться за петлю. «Держись, парень!» – крикнул Феликс и стал выбирать веревку, медленно отступая в сторону крошечного пляжа. «Теперь ваша очередь, мелюзга, а-ну-тяните-салажата-изо-всех-ваших-сопливых-сил!». Несколько крутых волн, несколько ударов и падений, и обессиленного мужика общими усилиями выволакивают, наконец, на берег. Мальчишки повели-потащили пострадавшего домой, а Феликс, продрогший и уставший, так и остался сидеть на берегу моря.

Разные ситуации бывали – и быструю Вятку переплывал «на раз, два, три» туда и обратно, и норовистая горная река, вся в камнях и перевалах, покорила ему на Памире, но такого... Ничего подобного с ним еще не случалось. Внутри все дрожало от холода, от нервного возбуждения, а в голове звучала барабанная дробь и музыка победного марша: «I did it! Я сделал это!»

Закатное солнце временами появлялось в разрывах синеватых туч и заливало бронзовым лаком согнутую фигуру Феликса, гальку пляжа, веер наклонившихся кипарисов и вершины скал, нависающих над бушующей морской стихией.

* * *

Феликсу надо было как-то перебираться в Минводы, а там – на турбазу в Нальчик. Очень не хотелось покидать любимый Крым. Поездка вполне получилась, есть, что вспомнить. Но надо... Надо. Пора.

В кармане туристическая путевка. Не бог весть что – пешком через Твибердский перевал, с дровами за плечами для ночевки в горах, романтика еще та. Но сходить в горы – почему бы и нет? – это интересно.

В те годы вообще поехать куда-нибудь отдохнуть было довольно сложно, любая организованная поездка казалась удачей, не так-то просто «получить путевку» в самом прогрессивном на свете социалистическом обществе с жутким дефицитом на все, на все виды услуг, продуктов... В общем, это было общество «сделай сам». Дом – построй, мебель – сделай, овощи – вырасти, автомобиль – собери... Остальное – достань. Самому достать путевку не удалось, помогла двоюродная сестра... Со связями. Работала снабженцем на базе то ли редукторов, то ли трансмиссий... или чего-то в этом духе.

Короче, завтра надо быть в Минводах, а сегодня он еще сидит в аэропорту Симферополя. Толкучка, суета, духота, отвратительная жрачка в буфете, и никаких перспектив на

билет. На следующий день к вечеру, когда казалось, что он вечно будет торчать в этой дыре, кто-то из пассажиров подвел его к довольно-таки скользкому типу – тот за треху брался достать билет. Тоже проблема: треху вперед? – или, когда билет будет...

Да, этот Феликс умел только «правильно» жить, жить по правилам, которые никто – ну, скорее, почти никто – не соблюдал. Протиснуться, отжать, пройти без очереди, пресечь «холопское хамство» – поставить на место швейцара или официанта в ресторане, – дать на лапу – в этом отношении Феликс был настоящее дитя. В конце концов, все обошлось – и на лапу дал, и билет получил настоящий, и к вечеру после мучительных бдений – два дня и бессонная ночь – и вот он уже на базе в Нальчике.

Зарегистрировался, познакомился с группой, получил на ночь номер. «Пожалуйста, селитесь, утром после завтрака вы уходите в горы». Свободен... Свободный вечер.

Как в те времена веселилась молодежь? Все собирались на танцплощадке. Невыспавшийся, помятый, плохо побритый, недовольный жизнью Феликс тоже потянулся поближе к общей тусовке. Настроение было неважное. Только что он познакомился со старостой группы, двухметровым дураковатым амбалом Генкой Голубевым. Тому захотелось потягаться на руках. Пришлось приложить его спиной о поребрик. Феликс вспомнил этот эпизод и поморщился, – пожалуй, он был неправ, жестковато получилось... Зато теперь староста – друг навек, уважает... Странно, почему так получается? Уважают грубую силу. А что он, Феликс, интеллигент, генератор идей, можно сказать... это всем пофиг.

Феликс осмотрелся. Заметил на площадке стройную женскую фигурку. Светло-русые волосы, вся беленькая – белая футболка, белые брючки в обтяжку, белые босоножки... Это была Жанна. Молодых людей сразу потянуло друг к другу. Они встретились так, будто давно ждали именно этой встречи... Так бывает. Феликс словно вышел из спячки... Жанна ему очень понравилась – веселая, живая, смешливая. Ему казалось, что Жанне тоже было интересно с ним. Возможно, их тянуло друг к другу просто потому, что оба были здесь чужими на этой турбазе, на этой танцплощадке. Так, во всяком случае, вначале показалось Феликсу. Показалось... Они ведь тогда еще не знали друг друга. Весь вечер молодые люди провели вместе. Наутро они со своими группами уходили в горы. В разные стороны. Договорились встретиться в Сухуми. После окончания маршрутов.

Феликс бродил по Сухуми. Сидел в хачапурных. Наблюдал за сменой восточных типажей и характеров – армяне, абхазцы, греки, грузины... Шутки, прибаутки... «Адын мертвый армянин равен тысяче живых грузин». Приходил к Главпочтамту – там договорились встретиться с Жанной – и в назначенный день, и на следующий день, и на следующий... Ждал по два часа. Удивительно.

В Нальчике ему казалось, что Жанна – близкий человек. Он не сомневался – тогда она собиралась приехать, прийти... Тогда... Но не пришла. Вообще, что она там делала на этой турбазе? Чистенькая, изящная, тонкая, юморная... Никак не туристка. Что-то ей помешало? Странно...

В его представлении неожиданная встреча на турбазе в Нальчике как-то увязывалась с тем, что он спас незнакомого человека в Алушке. Второе ущелье... Каждому воздастся по делам его. Красавица Жанна была ему наградой. Он уверен в этом... Тогда почему она не пришла? Непонятно. Какая-то ошибка провидения, сбой... А я-то здесь, на этой земле, для чего? – ошибки небес следует исправлять. Феликс любил to knock higher than a kite (делать все с необычайной силой).

Вернулся домой в Ленинград и твердо решил разыскать Жанну. Написал на турбазу в Нальчик. Я, такой-то, такой-то, турист маршрута такого-то, находясь на вашей турбазе, взял у туристки Жанны, ее фамилия мне неизвестна, маршрут такой-то, попользоваться на время ее фотоаппаратом и не смог его вернуть, так как на следующий день она ушла в горы.

Прошу сообщить адрес ее проживания, чтобы я мог отправить принадлежащий ей аппарат. С уважением, Феликс Э.

Ответ пришел: город Кременчуг Полтавской области, Котовского 2/3. Номер квартиры не указали. Видимо – домик в деревне. Феликсу удалось пробить командировку, получилось в Тбилиси, пусть так. Адрес есть. Выслал телеграмму: «буду такого-то тчк грузите апельсины бочками тчк братья карамазовы». Интриговал, в общем. Как выяснилось потом – впустую. Находясь в Тбилиси, он узнал, что дорога в Кременчуг получится сложная – через Киев, из Киева придется лететь на кукурузнике, тогда еще и такие самолеты бороздили провинциальные небеса. В Кременчуг он не попадет в означенный день. Оттелеграфировал: «лед тронулся тчк связи задержкой тары зпт апельсины придут день позже тчк целую зпт брат карамазов».

Потом была встреча. Типа – «не ждали!». Весьма позитивная. Выяснилось: несмотря на то, что в ответе с турбазы не указали номер квартиры Жанны, телеграммы все-таки добрались до адресата. Правда, особого эффекта не произвели. В семье Жанны никто не знал исторической фразы Остапа Бендера, поэтому все решили, что телеграммы действительно посвящены отгрузке фруктов и пришли к ним ошибочно.

Феликс отметил, что кажущаяся тонкость и изысканность его нового увлечения сочетаются с некой провинциальностью воспитания, манер и одежды. Туфельки с бантиками, шиньон а-ля Бабетта. К тому же щиколотки, пожалуй, кривоваты.

Но выяснилось и совсем другое... И это факт – естественно-научный факт (что еще скажешь?) – Жанна, безусловно, была очень талантлива. Чего только не было в этой хрупкой, изящной девушке, помимо других, чисто женских дарований... Но самое главное – ее абсолютная музыкальность, врожденное чувство музыкальной гармонии и огромной силы сопрано, от которого дребезжали стекляшки на люстрах. Жанна пела везде, всегда, с любыми музыкальными группами, ее везде приглашали. Позже, когда Жанна приехала в Ленинград для участия в конкурсе «Весенний ключ», она сходу взяла там первое место, и сам Эдуард Хиль вручил ей диплом лауреата. Там же, в Ленинграде, ее приняли без экзаменов в училище при Консерватории на отделение вокала. Но она отказалась – ей совсем-совсем не хотелось учиться.

Но это будет потом. А пока – «не ждали»: глуповато ухмыляющийся Феликс, сияющий, как только что изготовленный полированный шкаф вполне советского образца, – на пороге ее квартиры, и Жанна – в облегающем вельветовом платье, вполне осознающая свою неотразимую «утонченность» и хорошенькость, – с изумлением смотрит на это неожиданное явление природы, на этот «факт-наличия-присутствия», как сам Феликс велеречиво назвал свое появление.

Жанне понравился неожиданный приезд Феликса, его внезапное возникновение из небытия, эдакий кавалерийский наскок... – все это было вполне в ее характере; молодые люди быстро сблизились. Начался роман. Они ездили друг к другу. На Новый Год, на 8 марта... Бывало, Феликс приезжал в города, где Жанна давала концерты. Она работала в различных музыкальных коллективах, выступала в Домах отдыха, в санаториях, на танцах, в кабаках...

Нет, на танцплощадках она была совсем не чужим человеком... Его смущали так называемые «оркестры» – просто «лабухи», прыщавые сопляки, а еще эта низкопробная, абсолютно нетребовательная публика, но Жанну все устраивало, ей нравилась постоянная смена декораций, аплодисменты, нравилась такая жизнь, беззаботная жизнь бабочки, думающей только о красоте своих крылышек.

Влюбленные обсуждали будущее – скоро они поженятся, и Жанна переедет в Ленинград. А пока их свидания мимолетны. Две недели назад они встретились в Геленджике. Гуляли по взморью в шторм. Жанна пела ему песни о любви, перекрывая шум волн и ветра.

Внезапно за ней приехала машина – «Все, все, меня ждут, извини, милый, концерт в Дивно-морском». «Я же снял номер, думал, мы останемся хоть на пару дней...» «Мой дорогой, как мне хочется побыть с тобой. Вдвоем. Только ты и я, больше никого». Тогда-то она и назначила ему встречу в Третьем ущелье – почему в Третьем ущелье? – «Ни о чем не спрашивай, приезжай, любимый, ты увидишь, я зацелую тебя, задушу в своих объятиях».

* * *

Катер высадил компанию Феликса в удобной бухте недалеко от туннеля. До последнего момента Феликс надеялся, что они встретят там туристов с фонарем. Увы, пляж был пуст, а сквозная пещера – вот она рядом – зияет огромной черной дырой. Обратной дороги нет, назвался груздем... В конце концов, он уже проходил этим путем в полной темноте. Без фонарика. Но тогда он был один. А сейчас на нем ответственность. Пять девчонок решились пойти вместе с ним. Доверились ему. Феликс зябко передернул плечами.

Вначале дно туннеля еще можно было разглядеть. Он выстроил девушек гуськом. Они должны были двигаться друг за другом, не отклоняясь в сторону. Пещера – или как там правильно, проход? – изменила направление и вскоре свет полностью исчез.

«Подождите, девушки, стойте на месте, я пойду, проверю дорогу». Феликс осторожно ощупывал ногами неровную каменистую почву. Он решил взять немного правее. Почему-то тропа сузилась. Это непонятно. Слева от него тропа наклонялась вниз. Не похоже на то, что он ощущал в прошлый раз. Должно быть значительно шире, и слева в тот раз была стена.

Что-то пошло не так. Неприятно засосало под ложечкой. Чего тебе бояться, Феликс? Ты бывал и в более сложных ситуациях... Ходил в горах по узкой тропе над пропастью, спускался по сыпучим кручам на опасных горных склонах, и людей проводил по рискованным, коварным маршрутам. Пролезал на брюхе по узким мокрым, глинистым тоннелям в Ново-Афонскую пещеру еще до того, как там прорубили удобные входы для туристов, бывало и такое...

Он осторожно сделал еще с десяток шагов, внезапно сандалии скользнули по камешкам, ноги поехали влево, и Феликс полетел вниз, в темноту. Все произошло мгновенно – ноги отскочили в сторону и вверх, и он приземлился на пятую точку. Высота, видимо, была небольшой – метра два с половиной, не более того, но приземление получилось очень жестким.

Внутри все перевернулось от удара, к горлу подступила тошнота. Стало дурно, и Феликс куда-то поплыл. Мелькнула мысль о том, что он упал, видимо, с жутким грохотом, хорошо, что не закричал, – что почувствовали в этот момент девчонки? – как они должно быть напугались! Все эти мысли и переживания промчались в его голове за долю секунды, медлить было нельзя.

– Все под контролем, девочки, – сказал он нарочито спокойным голосом. – Я просто поскользнулся. Все в порядке, все идет по плану. Стойте на месте. Не двигайтесь, пока я одну из вас не возьму за руку.

Копчик болел, дурнота не отступала, но Феликс поднялся и медленно двинулся назад, шаркая ногами по дну туннеля. Конечно, здесь широкий проход, здесь и следовало идти. Видимо, я зашел по боковой тропе на второй этаж и упал в одну из его дыр. А сейчас я на первом. Шаг за шагом он вернулся назад. Нашел одну из девушек, взял ее за руку. Попросил, чтобы остальные выстроились цепочкой и шли, держась друг за друга. Девушки испуганно шептались, о чем-то спрашивали Феликса. «Потом-потом-медленно-идем-друг-за-другом».

Минут через десять впереди забрезжил свет. Вскоре отряд вышел из пещеры. В глаза ударили стрелы дневного светила, лицо ощутило дуновение теплого ветра. Яркая зелень, прозрачный ручей, пляж, лазурное море, туристские палатки, торговцы с товарами на ослах,

шум, гомон... Возвращение к жизни. Из черного подземелья. Из маленькой преисподней. Куда я, безбашенный Феликс, так легкомысленно повел этих доверчивых девчонок. «Вот мы и пришли!», и птахи весело упорхнули в светлый мир, разбежались по всему ущелью.

Интересно, сколько сейчас времени? До условленной встречи оставалось часа два. Вряд ли Жанна приедет раньше, это не в ее стиле.

Феликс внезапно почувствовал, что очень устал. Его колотило. С запозданием пришли – испуг от падения и осознание того, что все могло, не дай бог, закончиться гораздо хуже.

Он постарался взять себя в руки, успокоиться, прилег в прохладном тенечке, закрыл лицо полосатой матерчатой кепкой и заснул. Сон получился глубоким и сладким... Слюна тонкой струйкой стекала по его щеке на плечо и рубашку.

Феликс внезапно пробудился, словно очнулся от наваждения. Сон дал отдых и бодрость. Температуры точно не было, и нос не болел. Немного ныло внутри, где-то там, где внутренности – печенка, селезенка и прочая дребедень – с силой ударились о диафрагму. Но боль не была пугающей, чуть-чуть ныло, Феликс был уверен – скоро пройдет. Неожиданный выброс адреналина и удар при падении излечили его. Как ни странно, не болел ушибленный копчик. Внутри все ликовало, истерично гремели фанфары и флегматично грохотали литавры – подобно Вергилию, он становится проводником пяти чистых созданий, спускается с ними в Ад и потом возвращает их к жизни – в таких вот возвышенных тонах вспоминал он о том, что совсем недавно случилось с ним в этой пещере. С хорошим настроением бродил среди торговцев, разглядывал товары, приценивался, купил чурчхелу и с аппетитом съел ее. Рассматривал туристов, занятых по хозяйству у палаток и купающихся в полосе прибоя.

Вскоре подошли его спутницы. Девушкам все очень понравилось. Они оживленно обсуждали море, мрачный туннель, осликов, чачу, которой их угостили кавказцы, рассказывали, как они по-чуть-чуть-пригубили-из-плохо-помытых-стаканов... Скоро должна прийти моторка. Но Жанны не было. Как тогда, в Сухуми. «Езжайте без меня, я пока останусь, у меня встреча». «Как же ты вернешься? – скоро начнет темнеть». «Ничего, я хорошо знаю эту местность. До Рыбзавода дойду часа за два. А там дорога освещена. Не пропаду». «А как же проход?» «Бог троицу любит. Два раза прошел – пройду и в третий». Девушки на прощание обнимали и целовали Феликса. Похоже, им это было приятно. Ему тоже. Они ушли на катере, а Феликс остался на берегу и смотрел на закат.

* * *

Третье ущелье. А год назад в Алушке было Второе ущелье. Интересно. Где-то должно быть и Первое. Вспомнилась Алина. Тоже сентябрь, два года назад, может, чуть меньше, в окрестностях Севана. Они с Алиной пошли прогуляться по альпийским лугам. За ними увязался долговязый, нескладный Сева из Ленинграда. Феликсу хотелось побыть вдвоем с Алиной, они совсем недавно познакомились. Но Сева пристал – не отодрать, совсем, как резиновая липучка. Что делать? – пошли втроем. Поднялись наверх, долго наслаждались видами окрестных холмов, величественным Севаном, строгим силуэтом храма на полуострове. Пора было возвращаться на турбазу.

Феликс предложил спускаться не напрямую, а через живописное ущелье – вот оно, Первое ущелье! – и пройти внизу мимо симпатичного стада овец. Затея оказалась совсем не безобидной.

Когда до отары оставалось метров двести, из-за скального выступа выскочили три огромные кавказские овчарки. Тяжелым галопом – наискосок и вверх – они направились напрямик к нашим путникам. Впереди галопировал матерый вожак. Собаки не лаяли – угрожающе порывивали, не оставляя сомнений в своих недружественных намерениях. Да,

этих собак никак не примешь за миротворцев. Феликс почувствовал: внутри него все сжалось и похолодело. Собачки-то серьезные, враз порвут нарушителей своей территории. Он не боялся «полудиких» собак. Однажды был такой случай, когда на ночной дороге между двумя горными селами в кромешной темноте на него напала свора собак. Тогда он знал, как поступить: схватил несколько камней и, бросая тяжелые обломки, с громкими криками кинулся навстречу невидимым, истошно лающим псам. В тот раз это произвело впечатление... Собаки боятся камней. А сейчас что делать, чем обороняться? Травка и цветочки... Ни кустов, ни деревьев... Ни камней, ни палок.

Красота, закат, низкие тучи, уныло свистит северный Борей, поет о чем-то своем, совершенно не интересуясь, что происходит с людьми на этом альпийском лугу. А на альпийском лугу вот-вот разразится трагедия.

Рядом на ветру качался сухой зонтик гигантского борщевика. Феликс обломил легкую, полую былинку – получилось какое-то подобие метровой палки. Такой не ударишь – миг сломается от любого легкого соприкосновения. Феликс выдвинулся вперед и вниз, оставив своих спутников чуть сзади. Надо защитить девушку... Что толку от этого домашнего, городского мужчины, все теперь зависит только от него...

Собаки втроем бросились на Феликса. Тот дико выл, кричал, лаял, визжал... «Вон, вон отсюда, исчадия ада, не смей, всех порву, всех, всех вот этими руками порву!» Вспоминая это сейчас, Феликс вполне мог бы повторить известные строки: «Я пламенел, визжал, как он, как будто сам я был рожден в семействе барсов и волков под свежим пологом лесов». А тогда... Трудно передать комплекс ощущений, которые он тогда испытывал. Отмахивался от собак, те отскакивали, а он думал только о том, как бы случайно не задеть кого-нибудь из этих «зверюг», – а как иначе можно было их называть? От малейшего прикосновения «палка» обязательно сломается, и тогда он останется совсем «безоружным». Положение обороняющейся стороны становилось безнадежным, «бой» продолжался недолго, всего секунд двадцать, но Феликсу казалось, что это длилось бесконечно.

Из-за угла скалы неожиданно появился диковатого вида пастух, свистом отогнал собак и спас всю компанию. Спас – тут нет сомнения, потому что такие собаки никого не пощадили бы. Но может, это была его затея? – поугагать дурацких «туряг» с базы. Чтоб знали... Тоже нашли себе развлечение – гулять среди отары овец!

Феликс как был, так и остался в боевой позе – ноги согнуты, руки с «палкой» вытянуты вперед, рот раскрыт в беззвучном крике.

Что там с его спутниками? Он обернулся. Оба, – и девушка, и долговязый Сева – бледные как полотно, застыли неподвижно, оба на коленях... Превратились в соляные столбы, как жена Лота, которой было строжайше запрещено оборачиваться, а она обернулась... и не выдержала ужасного зрелища... И они тоже не выдержали.

Упала мертвая тишина. Феликс только сейчас почувствовал страх, страх пришел с запозданием. Руки и ноги дрожали, но сердце ликовало... А чуть позже ударила бравадная песнь победы, песня победителя жила своей жизнью, отвязно горланила и истерически взвизгивала:

«Citius, Altius, Fortius! Быстрее! Выше! Сильнее!». Не побояться сразиться с трехглавым Цербером, охранником преисподней, защитить своих спутников и самому невредимым вернуться в подлунный мир. Его несло, казалось, ему все под силу, вот-вот он совершит что-то подобное двенадцати подвигам Геракла, и первый из этих подвигов уже совершил...

Заходящее солнце заливало померанцем альпийские луга, фигуры окаменевших спутников Феликса, а вдали еще видны были размытые силуэты зачарованного пастуха с собаками, беззвучно уплывающие за выступ померанцевой же скалы.

Вот так, после этого неожиданного и довольно опасного происшествия, после того, что случилось в далеком Севанском ущелье, и начались их нежные отношения. Алина – из

Сочи, молодой врач, недавняя выпускница медицинского вуза. Обалденно красивая, наполовину чеченка, наполовину – русская, идеально сложенная блондинка, просто кавказская жемчужина. Ножки, правда, чуть подкачали. Она сама с юмором говорила о себе: «Верх – французский, низ – русский!» Почему «русский»? – непонятно, наша страна богата отменными женскими ножками. И славится ими...

Да, Алина, Алина... Как же она была хороша! Конечно, он увлекся. Не увлекся – влюбился... Невозможно было не влюбиться. Нежная, умная, серьезная, образованная, ну, что за девушка – одни достоинства! Она напоминала Феликсу библейскую Рахиль. В ней было столько готовности любить, идти за своим избранником, читать с ним одни книги, жить его интересами, делить с ним радости и горести, столько готовности жить...

У них с Алиной была общая знакомая, немолодая дама лет шестидесяти с небольшим, весьма немолодая дама. То ли Роза Лазаревна, то ли Маргарита Леопольдовна, черт ее знает, теперь уже не упомнишь, да какая разница, как ее звали? «Я вижу вас с Феликсом все время вместе, – сказала она Алине. – Он тебе нравится? Молодец, хороший выбор». Алина ответила, что ей очень нравится Феликс, что она чувствует себя женщиной рядом с ним. Что он интересный, добрый, внимательный, чуткий, и самое главное – на него во всем можно положиться. Что они решили отсюда поехать вместе – к ней, в Сочи, но... «Что, но?» «У него есть еще неделя отпуска. Неделя закончится, мы разведемся в разные стороны, и на этом закончится наша любовь». «Не думай об этом, Алиночка! Посмотри, какой мальчик... Чему ты удивляешься? – для меня он мальчик. Если он нравится тебе, будь с ним столько, сколько получится. Две-три недели, или сколько там у вас есть. Не думай ни о чем, это будут счастливые дни и недели, ты никогда не пожалеешь об этом».

Феликс узнал потом об этом разговоре. Он уже не мог вспомнить, от кого точно – то ли от самой Алины, то ли от ее пожилой собеседницы. Но все получилось именно так, как предсказала Алина. Прошли счастливые недели. Счастливые дни и счастливые недели...

Они потом долго переписывались, но не встречались больше. Интересно, почему? – думал Феликс. Алина пошла бы за ним на край света. Стала бы любящей подругой, великолепной женой, нарожала бы ему кучу ребятишек... Но он не решился. А за этой вертихвосткой Жанной носится по всему свету, как наскипидаренный.

Что говорить, с Жанной у них тоже были счастливые дни. Новый Год, который они встречали в Кременчуге. Жили в бабушкином доме в Крюкове. Бой часов договорились встречать вместе с ее родителями по известному адресу на Котовского. Торопились. Гололед. Жанна поскользнулась, упала, порвала колготки... Порванные колготки на круглой коленке – какая жалость... Перед самым Новым Годом. Плохая примета – не в путь, не получится у них, видать, чего-то совместного... Чего-то успешного... Не то, что Феликс был суеверным, ему нравилась ИГРА в суеверия... А может, и правда – не в путь получилось. Да, пока ничего и не получилось. Хотя они до сих пор говорят, что вот-вот поженятся. Вот-вот... Ну, там эти дела надо сделать, те дела... Вот-вот... Конечно... они же оба очень хотят... Теперь уже Феликс не особенно верил в это. С Алиной не было бы никакой чехарды...

Феликсу вспомнился последний день пребывания Жанны в Ленинграде. Она приехала тогда на месяц. Невеста приехала к своему жениху, как-то так... Все чинно, пристойно, очаровала его друзей и родственников. А потом понеслось... Конкурс, премия, какие-то бесконечные тусовки, разные коллективы, зачем-то работа на танцах на Ликерке. Танцульки на Ликеро-водочном... Где прошмандовки трахаются, пардон, за занавесками... с прошмандонами, наверное, – не знаю, может быть, их надо как-то по-другому называть. В последний день – какие-то сопляки с гитарами, «коллектив» называется, они все время менялись, весь этот месяц. Что за мучение – мотаться на Ликерку, концерты, танцульки, Жанна с разными шиньонами, то в полупрозрачном платье, то в блестящем люрексе. Куча молокососов при-

пёрлась домой к Феликсу, как бы к Феликсу и Жанне, в его двушку на Гражданке – в ФРГ, «фешенебельный район Гражданки».

Руководитель «коллектива» Кирюша – улыбчивый, ироничный, весь такой узенький, скользкий. Руководитель, он же ударник. Держался с Феликсом доброжелательно, по-приятельски, но немного сверху вниз. Как-то слишком фамильярно, что ли... Почему? Может, у него что-то было с ней?

Все прощались с Жанной. Наташили хавки, выпивки, все курили, что-то обсуждали. В дальнем углу большой комнаты сквозь дым можно было разглядеть юного гитариста лет двадцати; возможно, тот немного перепил – растекался по креслу и заливался пьяными слезами. Жанна утешала его: «Не плачь, Ганечка, не плачь, мне тоже тяжело, но я же не плачу...» Довольно противно. Ему-то, Феликсу, зачем все это? Ощущение, что вляпался не только двумя ногами... По самые уши.

«Нетрудно представить себе нашу будущую счастливую семейную жизнь», – подумал Феликс. Дома кавардак. Готовить Жанна не умеет и не хочет. Пару раз попробовала – есть это было невозможно. Как надо готовить картошку, чтобы часть ее осталась сырой и несоленой, а остальное оказалось сгоревшим до черноты и пересоленным?

Ну, а потом снова приходили чудные письма, шли чередой романтические свидания, жаркие встречи и пылкие артистические объяснения.

Картина его воспоминаний о последней вечеринке внезапно исказилась. На столе появилась какая-то прокисшая, засохшая еда, приготовленная, видимо, несколько дней назад. Между тарелками, прямо по столу бродили две жуткие тощие, ободранные кошки. По тарелке бегали крошечные – судя по всему, рахитичные – муравьи. Жанна сидела с застывшим лицом и громко произносила выразительным голосом бесконечные комплименты каким-то двум, сидящим рядом «сэтрам» в косыночках, похожим на иеговисток. Недалеко от стола на край стульчика присел грустный мальчик лет семи. В коротких лазурных штанишках, в лазурной курточке. С лицом Жанны. Темно-русые волосы закрывали уши, а спереди – подстрижены скобкой над самыми бровями.

– Кто ты, мальчик? – спросил Феликс. – И откуда ты взялся?

– Ты меня не узнал, папа? Я же твой сын, – ответил ребенок, и Феликсу показалось, что этот мальчик знает свою будущую трагическую судьбу.

Феликс вздрогнул, попытался отогнать от себя видение.

– Чур меня, чур, Господи, спаси и сохрани...

* * *

Он сидел неподвижно, совсем близко к полосе приборя. Вечернее солнце покрыло красно-оранжевой пленкой его плечи, лицо, гальку пляжа, палатки туристов, осликов и крестьян, собирающих свой товар. Первое ущелье подарило ему кавказскую жемчужину. Второе – поющую девушку. Что приготовило Третье ущелье? Жанну во второй раз? Вряд ли... Вряд ли она придет. Вряд ли ему нужен этот «подарок» вторично...

Неподалеку на голове стояла худенькая женщина, сложив ноги, как в позе лотоса. Он заметил ее раньше, когда только появился в ущелье, когда бродил между палатками. Она, конечно, тогда не стояла на голове. Ей лет тридцать пять, очень худошаваая, длинные ноги, длинная шея, маленькая грудь, худое аскетичное лицо, короткая стрижка, большие строгие глаза. Балерина? Чем она обратила на себя внимание? Необычной худобой? Может быть... Но еще чем-то. Выворотность ног. Горделивая осанка, которую она сохраняла – и когда курила, манерно отводя в сторону руку с длинным мунштуком, и когда несла котелок с водой из ручья. Хотя все это такая ерунда... Просто она не такая, как все.

Ну, что будем делать, милый друг? Ждать или не ждать – вот в чем вопрос. «Достоин ли терпеть безропотно позор судьбы или нужно оказать сопротивление?»

Феликс сидел на гальке и смотрел на море. Неожиданно он почувствовал, что на плечи ему легла почти невесомая – видимо, женская рука. Это была «балерина». Она подошла, села рядом, обняла за плечи – так обыденно, будто только что отошла за чем-то, а сейчас вернулась.

– Как дела, Феликс? – спросила она низким, хрипловатым голосом.

– Откуда ты знаешь, что я Феликс?

– Но ты же Феликс?

– Да, я – Феликс. Феликс Петрович.

– Ты Феликс. Очень симпатичный, замечательный Феликс. Феликс Петрович. На которого можно во всем положиться. Феликс Петрович, который не подведет. Я видела, как ты с девушками выходил из туннеля. Похоже на то, что вы прошли пещеру без фонарика. Или мне показалось?

Феликс подтвердил.

– Так я и думала... Что ты именно такой. Еще до твоего появления.

– Ну, а теперь открой тайну, незнакомка, откуда ты знаешь, кто я?

– Здесь вчера была молодая женщина, она искала тебя. А потом подошла ко мне. Сказала, что тот, кого она ждет, придет завтра. А она не может ждать до завтра. Потому что надо уезжать. А тот, кто должен прийти завтра, придет обязательно. Он такой, он умеет держать слово. Он никогда не подведет. Так она сказала. И как только ты вышел из прохода, я поняла, что это ты. Я сразу узнала тебя, Феликс, – «балерина» положила голову на плечо Феликсу. – А вчера здесь была твоя Жанна. Очень симпатичная и обаятельная Жанна. Но она не совсем такая, какой хочет казаться. Передала тебе вот это.

Письмо. Феликс открыл конверт. Знакомый крупный, размашистый почерк, знакомые слова...

«Дорогой, любимый Фелечка! Самый родной, самый близкий. Я такая ужасная, никудышная, я опять тебя обманула. Мне пришлось уехать раньше. И мы опять не встретились. Но скоро все изменится, и мы сможем быть вместе. Ты самый лучший, ты добрый и благородный. Я знаю, ты простишь меня. Я так хочу поскорее увидеть тебя. Через два дня я буду в Запорожье и пробуду там неделю. Выступаю на Всеукраинском съезде комсомола. Это всего два концерта, остальное время – мое. Это наше с тобой время. Приезжай поскорей, мой родной. Я буду жить в гостинице против здания обкома комсомола. Все дни и ночи будут наши. Я научу тебя зароастрийской любви. Покажу тебе три позы огнепоклонников. Впрочем, извини, что за чушь я несу? Главное, что мы будем вместе. Жду тебя, мой ненаглядный, мой суженый, целую, твоя Жуля».

Жуля, какая безвкусица, что за ужасная кликуха!

С грустью читал он послание своей подруги. Сколько было таких писем, таких назначенных и несостоявшихся встреч или состоявшихся, но все равно – скомканных, мимолетных, никудышных... И каждый раз... После всего этого бесконечно повторяющегося – мелкого, неряшливого вранья, крошечных предательств и провинциального лицедейства... Ему опять хотелось... Простить, вновь утонуть и забыться в объятиях возлюбленной... под бодрые, жизнеутверждающие советские эстрадные ритмы: «Червону руту не шукай вечорами, – ти у мене єдина, тільки ти, повір...»

И в этот раз опять что-то дернулось и зазвенело у него в душе – любовь не проходит бесследно, всегда что-нибудь да остается... Жанна – смелая, веселая, независимая... А еще – дерзкая, своевольная... Настоящая дочь вольного ветра. Невозможно устоять перед ее напором, перед магией ее обаяния. Черт побери, она же тебе так нравится, к тому же – любит

тебя... Ну, так, как умеет. Как умеет, так и любит... Бери за руку, – и айда в Ленинград; свяжете малыша, будет семья, что еще человеку надо?

Тоскливо заныло в груди. На мгновение всплыли постные лица «сэстер» в косыночках (откуда они могли взяться?) и грустное лицо мальчика, похожего на Жанну. Феликс вздрогнул – чур меня...

– А сами-то вы кто, милая леди? – спросил он у «балерины».

«Балерина» держалась просто и без церемоний, они говорили, как давние-давние друзья. Феликс узнал, что его новая знакомая – из Москвы, что зовут ее Наташей – «мне больше нравится, когда меня зовут Натой». А фамилия у нее довольно причудливая – Розенталь-Померанская. Что она действительно балерина, балерина в прошлом, а сейчас – на пенсии. Балерины уходят на пенсию очень рано по меркам обычных людей. Стаж ее выступлений шел с пятнадцати лет, и сейчас уже набежало двадцать лет на сцене.

«Такая молодая, и на пенсии», – подумал Феликс. Но она все равно работает, преподает хореографию в училище. Зато летом свободна, как птица. И с июня до конца сентября живет здесь, в палатке в Третьем ущелье. Что здесь делать столько времени, неужели не надоедает? «Это особое место», – сказала она, но ничего объяснять не стала.

Феликсу было уютно рядом с этой женщиной. Может, просто аура чудесного ущелья? «Особое место»... Нет, его определенно тянуло к этой женщине, но, кроме того... В ней было что-то от его мамы. Странное сочетание. Никогда раньше он ничего подобного не испытывал. Они долго бродили по пляжу. Феликсу хотелось рассказать Наташе о себе, о своих проблемах, о работе. О Жанне, об их романе. Рассказывал он и об Алине, о многом другом – боже, какой я дурак – зачем это надо: раскрывать всю поднаготную совершенно незнакомому человеку? Но он говорил, говорил...

С Наташей все становилось просто и понятно. Казалось, он говорил не с ней, а сам с собой. Сам себе рассказывал о своей жизни, которая так и не приобрела каких-то конкретных контуров, о женщинах, которых любил, но почему-то недолюбил... О своих «подвигах», которые почему-то сами собой поблекли...

Вечерело, но было еще тепло. Феликс опять сидел на песке и смотрел на закат. Ната в крошечном купальнике – просто два пестрых лоскутка – стояла рядом. Феликс, не вставая, обнял ее загорелые бедра. «Какая же ты худенькая, Ната», – подумал он с нежностью.

– Что ты решил, – спросила Наташа, – поедешь в Запорожье?

Феликс пожал плечами:

– Наверное, поеду. Мы ведь жених и невеста.

Он повернулся к Наташе и поцеловал ее в мягкий холмик ниже упругого живота. Людей на пляже было немного, но люди все же были. Женщина не отстранилась, признаков стеснения тоже не обнаружила. Феликс поднялся, обнял ее за плечи, прижал к себе и поцеловал в губы, она ответила...

Феликс долго смотрел Наташе в глаза, но руки не разжимал и не отпускал ее от себя.

– Мы с тобой еще встретимся? – спросил он.

– Думаю, встретимся. Приезжай в Москву, буду рада повидаться с тобой. Может, увидимся и в Ленинграде. Но только все это будет совсем не так, как сейчас.

– Почему?

– Ты сам знаешь – все течет, все меняется, в одну реку дважды не войдешь.

– Тогда я останусь. Останусь у тебя. Чтобы было, «как сейчас».

– Нет, – спокойно ответила Наташа. Не оттолкнула его, не повысила голос... Но Феликс понял: ее «нет» действительно означает «нет». Непонятно, почему «нет»? Опять в нем заиграло это его привычное «to-knock-higher-than-a-kite».

– Почему, Ната, скажи почему, милая девушка?

– Ты знаешь, где мы находимся?

– Да, это Третье ущелье.

– Вот ты сам и ответил: потому что это Третье ущелье.

– Ну, и что это значит?

Наташа осторожно высвободилась из его объятий.

– Ты видел абхазов, пришедших сюда с товарами на ослах? Ничего не заметил? Это ангелы. Они оделись как крестьяне и принесли нам сюда плоды земли. Лучшие плоды южной земли. Специально для нас.

– Ты, Ната, говоришь загадками. Почему я не могу остаться? Ты действительно не хочешь, чтобы я остался?

– Потому что это Третье ущелье. Мы сейчас находимся на другой стороне. Видишь слева вдали низкий полуостров – это военный аэродром Гудауты. Справа у горизонта – многоэтажки Пицундского пансионата, перед ними – низкие домики Рыбзавода. Это все на той стороне. На той стороне вся Абхазия, весь Кавказ, Советский Союз, а дальше – Ледовитый океан, а за ним Америка, весь мир на той стороне. А Третье ущелье – на другой стороне. Это совсем другой мир. Другое измерение. Поэтому я и приезжаю сюда с июня по сентябрь. И тоже становлюсь здесь совсем другой. А когда возвращаюсь на ту сторону, в наш грешный мир... В общем, Третье ущелье помогает мне выжить в нашем мире.

– Ну, хорошо, милая мечтательница. Скажи проще, почему я не могу остаться с тобой?

– Неужели ты не понял, Феликс? Потому что здесь, в Третьем ущелье все по-настоящему и всерьез.

– По-твоему, я похож на легкомысленного человека?

– Послушай меня, Феликс, и не обижайся. Ты не живешь, а играешь. Меняешь работу. Меняешь увлечения. Приятелей и друзей. Меняешь любимых. Для тебя люди – как поплавки. Ты прыгаешь на один поплавок, балансируешь, чтобы не упасть, а когда подворачивается другой, перепрыгиваешь на него. Ты всегда в пути, ты путник, это неплохо... С одной стороны. Но все, что ты делаешь, это наброски, эскизы. Ты живешь начерно. А здесь, в Третьем ущелье, здесь можно только всерьез и по-настоящему. Ты еще не готов.

– Как жаль, Ната... Мне так хорошо с тобой. Мне показалось...

– Феликс, ты чудесный. Ты нравишься мне. Но сам ты еще только эскиз... Только мечта. Вот девушки, с которыми ты пришел, они – настоящие. А ты похож на свою Жанну. Она тоже – пока черновой набросок. Вы оба – как две стороны одной медали. Потому и вместе. Поверь мне, Феликс, тебе еще предстоит научиться жить по-настоящему. Набело. И у тебя получится. У Жанны, возможно, не получится, – она напоминает мне веселую, легкомысленную бабочку-однодневку, которая летит на огонь... – нам нравится любоваться расцветкой и полетом бабочек: «Вон бабочки снуют туда-сюда – все ищут ушедшую весну»¹.

У нее, наверное, не получится – очень жаль. Но у тебя получится. Третье ущелье открывается тому, кто попадает сюда через чистилище черного прохода. Так что у тебя, Феликс, есть шанс. Но это Третье ущелье не твое. Тебе еще предстоит найти СВОЁ Третье ущелье. А сейчас иди, пора идти. Твое время истекло. Смотри, солнце уже коснулось горизонта. Благодарю тебя. Иди, дорогой, не медли.

Наташа дала Феликсу фонарик. Если будет возможность, вернешь. А не вернешь – невелика потеря. Бери, бери, он мне не нужен.

Феликс двинулся через сквозную пещеру. Нашел место, где он забрел на боковую тропу и упал через огромный провал на дно первого уровня. Ему тогда повезло, высота действительно оказалась небольшой – не более двух метров. Поэтому и цел. Падение, однако, оказалось целительным, полет в темноте излечил его. Феликс вышел из туннеля на берег моря. Сумерки сгустились.

¹ Есикава Гомэ.

Впереди зажглись оранжевые корпуса пансионата. Включились огни Рыбзавода. Еще есть время, чтобы добежать до Рыбзавода, пока не упала тьма.

Достал из кармана письмо Жанны. Посмотрел на конверт. Повертел в руках фонарик. Вспомнилась Наташа. Была ли она на самом деле, эта «балерина», такая худенькая, почти бестелесная, почти неземная? Или это только ему привиделось? Может, его с теплом и любовью встретил особый дух этого места? Дух в образе нежной и мечтательной женщины... Похоже на то, что он поцелован духом Третьего ущелья, – сердце билось, как запертая птица, – значит, не все потеряно, значит, он еще небезнадежен... Взглянул на письмо, решительно порвал его и пустил клочки по ветру. Перед ним весь мир, он только начинает... Он найдет свое Третье ущелье, обязательно найдет. Где все будет всерьез и по-настоящему.

Ощущение необыкновенного подъема охватило Феликса, неведомая сила бросила вверх и понесла. «To knock higher than a kite» – если уж запускать змея, то выше всех! Он громко кричал и наперегонки с ветром бежал на встречу со своим будущим... Куда он бежал? Куда? Пока – к мерцающим огонькам Рыбзавода...

Встань и иди

И, взяв девицу за руку, говорит ей: «талифа куми», что значит: девица, тебе говорю, встань. И девица тотчас встала и начала ходить. (Мар.5:35-43)

В темноте

Что такое темнота? Я поднимаю веки, открываю глаза. Опускаю веки, закрываю глаза – без разницы. Чувствую только движение век, а ничего не меняется.

Что же такое свет? Говорят, что он, свет, тоже может быть разным. Есть еще цвет. Свет и цвет. Родственники. Ц-с-вет. Разница в одной букве. Почти без разницы. Что же это такое?

Мишка, приятель из группы мальчиков, пытался объяснить. Он, как и я, не видит. Но не от рождения. Стал таким. После автомобильной аварии. Сильное сотрясение. А потом постепенная потеря зрения. Но он помнит. Как выглядит лес. Как выглядит море. Я тоже знаю, как выглядит лес. Но по-своему. Мягкая трава, эхо, шум деревьев, или это шум ветра? Неважно – шум леса. Кузнечики. Посвисты. Пробегающие мимо – то ли люди, то ли животные какие... Говорят, что кабаны. Шуршанье и гудение мух, комаров, гнуса.

Море тоже знаю... Ветер звучит совсем по-другому. И волны – то бьются, то шелестят. Шум песчинок на пляже. Крики птиц. И запах... Какой запах у моря? Гнилые водоросли. Иногда запах мазута. И запах йода.

А в лесу какие запахи... Их много. Прелой травы. Сосны. Грибов. Запах навоза. Чистотел, тимьян, череда, горец, зверобой... Гоноболь, не люблю этот запах. Он меня убивает.

В интернате хорошие люди были нашими учителями. Вывозили нас на природу, давали растения пощупать, потереть пальцами, понюхать, все объясняли.

Я знаю, как выглядит человек. Не потому что могу ощупать и запомнить лицо. Просто такие, как я, знают лучше, чем другие. Вы, зрячие, видите. Можете смотреть на человека час, два, день, неделю. Но не узнаете, каков он. А я сразу узнаю его – по шорохам. Как он двигается, как шаркает ногами, как снимает одежду, как берет ручку, как по клавишам компа стучит, как деньги считает. По звукам шагов, по походке в сочетании с дыханием – легким, частым, прерывистым – мы узнаем знакомых, мужчина идет или женщина, грузный человек или худощавый, здоровый – больной, отличаем шаркающие шаги старика от шарканья молодого пижона во время прогулки. Походка статуи, тяжеловесная поступь, петушиная походка, подпрыгивающая, летящая, легкая, гармоничная и умеренно плавная.

Как говорит. Звучно, глухо, громко, невнятно, доверительно... С придыханием, с пришептыванием, с пришепыванием губами, как втягивает слюнку, как отдувается, шелкает зубами, фыкает, цокает, причмокивает. Шуршит бумагами, ерзает на стуле. По голосу, «барометру» души и тела, можно понять, молодой человек или пожилой, взволнован или спокоен, характер у него злобный или добрый, восторженный или мрачный.

Есть еще кое-что. Каждый человек пахнет. И не одним запахом. У него много запахов. Говорить даже неудобно – и ото рта, и от тела, и от ног, причем у всего разные запахи – гнилые, радостные, агрессивные, нежные, резкие, по запахам о человеке можно многое узнать.

А осязание. Казалось бы, такая мелочь... Легкое прикосновение руки скажет больше, чем сто слов, чем тысяча картинок. Теплое, холодное, мягкое, твердое, влажное, сухое, неподвижное, дрожащее, нервное, спокойное... Пожатие... Крепкое, слабое, вялое, затяжное. Ладонь широкая, узкая, “гусиная лапка”. Пальцы короткие, длинные, изящные, грубые.

Кто сказал, что мой мир беднее вашего? Может, даже богаче. Потому что ваши так называемые зрительные образы забивают тонкие ощущения. Вы не услышите, не почувствуете то, что я «прочитаю» слухом и обонянием. У таких, как я, нарушенное зрение компенсируется иными способностями: особенной памятью, фантазией, музыкальностью, интуицией, богатством внутреннего мира и чуткостью, человеческой тонкостью, которой всем вам явно не хватает.

Ученики наших школ живут полной жизнью. Мы легко осваиваем школьную программу. Творим, путешествуем, занимаемся спортом. Растем позитивными, успешными, уверенными в себе, готовыми к борениям и одолениям.

Да, нам необходимо постоянно думать о том, как передвигаться, обслуживать себя, заботиться о членах семьи, если она есть, решать бытовые вопросы и т. п. Мы как спортсмены. Для достижения необходимых навыков в ориентировании нам приходится постоянно трудиться и тренироваться. Звук для меня – источник информации, ориентир для передвижения, сигнал об опасности. Из многообразия звуков я воссоздаю полную картину событий: звуки трамвая, троллейбуса, автобуса. На тротуаре своя гамма: твердая и уверенная поступь молодого мужчины, характерные звуки женских шагов и шагов пожилого человека. Слегка пришепывающие лапы собак, мягкое поскрипывание детской коляски, шум детских голосов, шелест листвы на деревьях, шуршание листьев под ногами. Обрывки разговоров, музыка, доносящаяся из окон, скрип и стук дверей и т. п. По скрипу калитки, по лаю собак, по шуму листвы я узнаю, чей это дом. По неровностям дорожки, по направлению ветра, движению воздуха определяю необходимый маршрут. Парящие канализационные колодцы с журчащей водой тоже мои «помощники» в ориентировании.

Когда хожу на занятия по корпусам университета, я лучше ориентируюсь в аудиториях и коридорах с деревянными полами или мягким покрытием. Полы из керамической плитки создают эффект металлической бочки, затрудняют поиск нужного направления. От дома до университета добираюсь пешком.

Я хорошо чувствую пыль, грязь в помещении, чистоту или загрязненность белья, низкие своды, пустые или забитые вещами, заставленные мебелью, комнаты, по запаху определяю, чисто в квартире или грязно, ощущаю качество продуктов.

Гул предприятий, новостроек. Громкие звуки затормаживают и ослабляют меня. При грохоте строительной и дорожной техники, шуме станков промышленных предприятий я чувствую себя беспомощной и потерянной. Боюсь передвигаться, почти полностью теряюсь на местности. Чувствую дискомфорт. Другое дело, когда вокруг ритмика и гармония.

Я научилась использовать отражение звука, эхо шагов от зданий ночного города. Могу использовать эхо при постукивании тросточкой по тротуару или пощелкивании пальцами.

Во мне заключен весь огромный мир, не я в нем, а он во мне, со всеми звуками, запахами, прикосновениями, он раскрывается внутри меня, протекает сквозь меня, а я – сквозь него.

Люблю музыку. Звуки дрожат в животе, в кончиках пальцев. Если вибрируют медленно, они жесткие, чуть быстрее – все мягче и мягче. Вначале теплые, потом становятся прохладными. Легкими, летящими, легкомысленными. Потом слепящими, почему я, слепая, использую это слово, разве можно меня ослепить? Можно, можно... Они входят как стилет в ножны – точно ложатся в свою ячейку, только могильный холод, только капли крови из сердца, а потом они спрашивают – это уже все? Кто-то «врывается к богу, боится, что опоздал, плачет, целует жилистую руку, просит». Умоляет дрожащим голосом – может, все-таки не опоздал, может, есть еще надежда? Спасите, помогите... Другие отвечают ему – нет, нет, нет, надежда, всегда есть надежда! Они умирают – все вместе и поодиночке – и вновь возрождаются...

Ну, а меня мучит, продолжает мучить любопытство, что же это такое свет и цвет?

До – красное. Соль – оранжево-розовое. Ре – желтое. Ля – зеленое. Ми – сине-белесое. Си – подобно ми. Фа диез – синее, резкое. Ре бемоль – фиолетовое. Ля бемоль мажор – пурпурно-фиолетовое. Си бемоль – стального цвета с металлическим блеском. Фа – красное темное.

Так расписал цвета Скрябин. Римский-Корсаков расписал цветозвуки по-другому. Что я, наивная, могу из этого извлечь? Синее, красное – для меня это только слова. Что толку считать какой-то звук синим или зеленым или красным?

Можно попробовать так подойти к этой моей проблеме. Синее – до минор любви. Говорят, что красное – это кровь. Кровь приливает к голове. Красное – гнев и ярость. В книгах написано: «желтое солнце». Солнце – изумление, просветление. Откровение, внезапное перерождение, когда все вокруг становится простым и ясным.

Черное – конец всему. Когда конец близок, нас охватывает страх. Черное – это уныние, депрессия, тревога, раздражение, неуверенность, безумие, испуг.

Слова, слова... Для меня цвета – это только слова. Пусть слова. Все равно надо. Я же читаю. Алфавит Брайля открывает мне двери миров Толстова и Чехова. Как-то надо понимать «синее море» и «желтый песок».

Белое – это значит «все хорошо». Белое – это смех. Когда на душе хорошо, можно и посмеяться. Смеется чистый человек. Белое – это чистота. Фиолетовое – презрение, отвращение. Фиолетовое – то, что отталкивает. Серое – сострадание, жалость. Больше всего я люблю оранжевое. Orange – превосходный фрукт, мне нравится его мягкая упругость, его вкус, ароматный запах, он заряжает для жизни, он как пионерская труба – бодрая и веселая, она зовет к бою, она взывает к нашему мужеству.

Хватит общих рассуждений. Все. Меня ждут ученики. Нам не дано увидеть свет. Не дано понять то, что мы не можем увидеть. Но у нас своя жизнь. Мы понимаем слово. Слово – это не только смысл. Это звук. Произношение. Ударение. Шелест, шипение, колокольчик, метроном, звучащая мембрана, горловой звук.

Я учу английскому. Таких же, как я. Зачем английский? Чтобы читать в подлиннике. Чтобы слушать аудиокниги и рок-музыку. Чтобы разговаривать во время путешествий. Мы живем полной жизнью.

Живу одна. Бой-френда пока нет. Что с того? Сейчас нет – будет, потом будет. Все у меня будет.

Социальный комитет дал квартиру – квартирка небольшая, правда, но своя... А слуховой аппарат – еще в интернате, я тогда совсем маленькой была. Вот за что я в пояс поклонюсь моим воспитателям. Я еле слышала, родители палец о палец... Мне целый мир открылся. Разве я знала бы все эти прелести и глубину жизни звука? Старенький правда аппарат, социалка дает нам какой-то примитив. То ли Орехово-Зуево, то ли Павлово-Посад делает, аппарат огромный, работает неважно. Заработаю, закажу новый в Германии. Но все равно... Нашлись люди, не бросили, помогли. Всех люблю. Кроме родителей. Не признавала их, когда жила в интернате. Они со мной не возились – скинули в школу для детей с ограниченным зрением. Мешала им. Тебе в интернате лучше, там всему научат. А на аппарат для тебя у нас все равно нет денег. Там и аппарат дадут, и научат... Такие слова говорились. И с концами. Ни ногой. Годами не приходили. А приходили – номер отбывали. Ну как ты? Нам сказали, ты лучшая ученица, молодец, дочка. Молодец, молодец, и пока.

Я еще ребенком боевая была. В школе все просила книжки про пиратов, про капитанов. С мальчишками мы обычно в моряков играли. Плавали по островам, встречались с индейцами, я всегда капитаном была, мне даже фуражку морскую с кокардой подарили. Научили честь отдавать. Я требовала, чтобы мальчишки тоже мне честь отдавали, я ведь капитан. Отдал честь? – стой, я проверю, может, ты обманываешь...

Папа с мамой намучились со мной. Я строптивой росла. Чуть что не по мне... Несколько раз из дома убегала. Вы так, вот и я так. Я вам не нужна, а вы мне и подавно не нужны. Без вас проживу. Шла, куда ноги вели.

Однажды в мороз забралась аж до ЦПКО, забилась на эстраде в уголок под навесом. Там и провела вечер и часть ночи. У меня биток свинцовый был. До полуночи колотила им по монете – перевернется, не перевернется, орел – решка.

Милиционеры обрадовались, когда меня отыскали – вот она, жива, жива... Не трогайте меня, не трогайте! Не имеете права. Я к ним не пойду, ну и что, что родители, не хватайте, не тяните... Но они нашли подход – даром, что менты – не тащили, сели рядом, дали горячего из термоса, руки растирали, разогревали дыханием, я и согласилась.

Родители, конечно, напугались тогда, плакали. Может, они и неплохие – не алкаши какие-нибудь. Мне кажется, они не любили меня, даже тяготились. Мы, конечно, тяжело жили, отец – рабочий в совхозе, мать – медсестра, домик у нас небольшой в Токсово, корову держали, собака – само собой, а я – какой я им помощник? Может, и не тяготились – когда им было заниматься мной? Как меня в школу отправлять? Да и не смогла бы я в обычной школе – слепая, да еще и слышу плохо. На улице и так надо мной дети смеялись. Вот и отдали в интернат для детей с ограниченным зрением. А я обиделась. Решила так: не было у меня родителей, пусть и не будет никогда. Воспитательница спрашивает – кто твои папа и мама? Отвечаю: сирота я, нет у меня никого.

А сейчас-то они звонят. Давай увидимся, дочка. Увидимся – как я могу «увидеться» с ними? Конечно, я теперь самостоятельная. Известность. Меня по радио, по ящику показывают. Иностранцы. Встречи по линии общества слепых.

Ну, все, выбралась из метро. Так, теперь по ступенькам вниз. Где здесь может быть автобус?

Вероника

Какая досада! Все одно к одному. Эта экзема на ноге все больше и больше, и главное – так близко к интимному месту. Все ближе и ближе. И печет, и чешется – сил моих больше нет.

Говорят – аллергия. Я уже во всем себя ограничиваю – ем только каши. Ни овощей, ни фруктов, ни острого, ни жирного, ни сладкого, ни соленого...

Врачи наши – полные идиоты. Одни говорят – красная волчанка, другие – вульгарная пузырчатка, смертельные диагнозы. А третьи – проверяйтесь на СПИД. Лечение – огромные дозы гормональных препаратов, я этого страсть как боюсь.

Мне всего-то сорок с небольшим. Все мое при мне. Высокая, стройная, вайтлс как у ББ, и личико пока совсем молодое, девчонки говорят: «вылитая Кириенко в молодости». Да я и сама вижу – куда ни приду, мужчины на меня как бабочки со всех сторон летят. Приятно, конечно, но мне это совсем не надо. У меня Феликс есть.

А буду сидеть на гормонах, морда станет брюквой, свинячья морда, ноги опухнут, кости поплывут. И так вся личная жизнь насмарку, Феля уже год как переехал в свой кабинет. Он, правда, меня во всем поддерживает, жалеет. Возит по консультациям... Но это же ненормально, что это за семейная жизнь?

Кто-то говорит: не надо ничего делать, смазывайте экзему дезинфицирующими растворами, само пройдет... Может быть, действительно плюну на все, посижу на диете и все пройдет? Не могу ни на что решиться. И чувствую себя прилично. Только настроение ужасное. Два года мотаюсь, – анализы, консультации – а ничего не ясно.

Вся жизнь у меня – одни проблемы. В детстве – мама. Отец – душа человек, морской офицер, командир подводной лодки, а мать... Дряной человек. Хоть бы в чем мне помогла, хоть бы раз что-то мне, девчонке, посоветовала. Ей главное, чтобы ребенок накормлен был...

Чтобы слушалась. И больше ничего. А я с детства всем интересовалась, всю школьную библиотеку перечитала.

Пока я по делам, сбегай, Вероника, в парикмахерскую, очередь для меня займи. Вернулась, я еще дома была, читаю. Книжку порвала, и по лицу, по лицу. Я бегом – в парикмахерскую, а там очереди никакой. И таких случаев...

В три, четыре – вечно нашлепанная, вечно в углу стояла. Не помню за что – я тихая, послушная была, совсем не баловная. Но мать находила, за что наподдавать.

Больше всего в жизни мать боялась. Обида до сих пор осталась. Она болела. Я не оставляла ее, помогала, как могла. Свою семью бросала, бежала к ней, готовила, стирала, врачи, лекарства... А не простила, нет, не простила. И сейчас тоже. Матери давно уже нет, а я не простила. И отца нет – с кем посоветоваться?

Так уж получилось – в жизни сама всего добивалась. И образование получила. И профессию меняла несколько раз. Сколько меня тиранили на радио, я рвалась – муж, работа, ребенок. Зато теперь – уважаемый человек. Режиссер на радио. Теперь все хорошо. И муж – человек необыкновенный, повезло мне. Может быть, и воздалось за мои страдания. Первый раз выскочила замуж без любви, по глупости, неудачно, зато теперь все в порядке.

И вот теперь экзема. Не сплю по ночам, дергаюсь, переживаю. Никогда не бывает, чтобы все было в порядке. Если тебе кажется, что все в порядке, значит, ты чего-то не знаешь. А тут и знать нечего. Вот она, экзема. Может, и не экзема. Фуфло какое-то. И главное, все больше и больше.

Все, выбралась из метро. Так, теперь по ступенькам вниз и домой.

Небо будто дырявой портянкой закрыто, через отверстия пробиваются оранжевые лучи осеннего солнца.

На ступеньках стояла невысокая девушка в темных очках с палочкой. Стрижка «под мальчика», короткое обшарпанное пальто, рюкзачок за плечами. На ушах – примитивные, громоздкие слуховые аппараты. Девушка несколько раз негромко просила прохожих о помощи, никто не обратил внимания.

Вероника по инерции тоже проскочила мимо. Остановилась. Развернулась, подошла к слепой. Маленькая, некрасивая, розовые пятна на коже лица и рук – «похоже на псориаз», – подумала Вероника.

Вам помочь? Мне надо добраться до Большой Монетной. Я провожу до маршрутки. Маршрутка мне дорого. Проводите, пожалуйста, до автобуса, туда можно доехать на обычном автобусе? Это совсем рядом. Но пешком быстро не получится, даже если мы вместе пойдем. Мне ученики звонят, опаздываю на занятия. Вы обучаете... Английскому, учу плохо видящих. Какая молодец! Меня зовут Вероника, а вас? Слепая промолчала, своего имени не сказала. Вы живете одна? Родина любит меня, у меня есть своя квартира. И никто вам не помогает? Я же сказала, одна живу. Справляюсь. Есть у вас близкие? Сестер, братьев нет, а папа с мамой живы, мы врозь живем, я – в городе, они – в пригороде. Хотели избавиться от ребенка с ограниченными возможностями, вот и запихнули в интернат. Знать меня не желали. Это все когда-то было. А теперь сами уже старые и несчастные, бегают ко мне. Болеют, жалко их. Я их простила. Теперь я их утешаю. И других, кто меня обижал, тоже простила. Всех простила.

Извините, может, я не должна спрашивать, вы хоть немного видите? Нет, я слепая от рождения. И слышу тоже неважно. «Боже, какое несчастье!» – невольно вскрикнула Вероника.

Слепая напряглась, сжалась в комок. Какое несчастье, о чем вы говорите? Я живу хорошо. У меня все есть, я со всем справляюсь. Я – счастливый человек.

Автобус долго не приходил. Вероника почувствовала неловкость ситуации и решила прервать затянувшуюся паузу.

– Вот видите, у вас родители живы. А у меня нет. Оба ушли. Отца всегда любила.

– А мать до сих пор не простили? – неожиданно спросила слепая. Вероника удивилась, но ничего не ответила. Как она догадалась? И почему, действительно, я до сих пор не простила мать? – подумала Вероника с горечью.

Вот и двенадцатый подошел. Вероника подвела слепую к двери автобуса, поддержала, пока та взбиралась на первую ступеньку. Крикнула водителю: «Помогите девушке, ей надо выйти на Большой Монетной. Ну, хотя бы остановитесь и подскажите, что сейчас Большая Монетная».

Девушка поднялась в автобус, Вероника проводила ее взглядом. Гордая. Вот каналья! Ни тебе спасибо, ни до свидания. Может, обиделась на меня? Эти люди такие ранимые. Как обнаженный нерв. Но каков характер! У меня все есть, я со всем справляюсь. Счастливый человек... Без зрения, плохо слышит, слабенькая, хиленькая, вся в розовых пятнах. Бедное пальтишко. Ужасный слуховой аппарат. Как она справляется с бытом? А еще преподает. И родителей – зрячих, слышащих, судя по всему – утешает.

А я-то, нюни распустила. Молодая, сильная, красавица чистой воды... Хорошая работа, любящий муж, превосходная семья, взрослый сын, и все мне плохо.

Вероника почувствовала внезапный подъем настроения; как на крыльях летела она домой. Скоро Феликс придет с работы. Надо привести себя в порядок. Хорошо выглядеть, на стол накрыть, ему будет приятно. А экзема? Ничего, все когда-то кончается, переживем и это. Схожу на консультацию к профессору. К одному, к другому. Все наладится. Может, и само пройдет. Главное, не заикливаться. Отпустить проблему. Не дать плохим мыслям овладеть тобой.

Была бы мама жива, я знала бы, с кем поделиться. Я всегда делилась с ней, когда что-то не получалось. И внуком, моим сыном, она сколько занималась. А вот нет ее. И я, дура, до сих пор не простила. Может, все от этого. Плохие мысли тянут вниз.

Вон, я какая, – молодая, сильная, бегу, словно на крыльях лечу. И сыну надо побольше внимания. Поговорю, как у него дела в универе. Как дела с девушками. Раньше-то проводила его на свидания. На первую интимную встречу, например. Дала ключ от квартиры на Московском, постельное белье. Презерватив сам купил. Он всегда рассказывал мне о своих проблемах. Даже об интимных. Не с отцом делился, а со мной. А теперь забросила ребенка. Конечно, он уже верзила и амбал, а все равно, для меня ребенок. Давай, Вероника, беги.

Встань и иди

Прошло несколько дней. Вероника уехала на выходные в просторный загородный дом, в их с Феликсом семейное гнездо. Уехала одна. Феликса был в командировке. Сын мотался по девушкам, тренировкам, по клубам и вечеринкам. Он добрался уже до такого возраста, когда отец с матерью нужны только тогда, когда накапливались проблемы.

Вечернее солнце заливало красно-оранжевым светом уютный эркер. Вероника растянулась на удобном диване, расстегнула рубашку, откинула голову – волосы темной волной рассыпались по светлой замше подушек, глаза прикрыла – пусть солнечные лучи ласкают открытые лицо и шею.

Ничего особенного за эти дни не произошло, экзема по-прежнему игнорировала усилия медиков и медикаментов и жила собственной жизнью, но настроение у Вероники было почему-то спокойное и безмятежное.

Послышались шаги в прихожей. Калитка и ворота заперты, возникший было вопрос «кто это может быть?» остался без ответа – какая разница кто?

В арке прихожей появилась знакомая фигура девушки в темных очках, с палочкой и рюкзаком. Ты здесь, Вероника? Голос ее казался не таким резким и отрывистым, как в тот

раз, сегодня он показался неожиданно нежным и мелодичным. Канашка пришла, как она сюда попала, как узнала, как нашла дорогу? Появление слепой совсем не удивило Веронику, и это «ты» – очень даже мило. На «ты» – значит, будем на «ты».

«Я здесь, заходи», – сказала она. Но не пошевелилась, не сделала попытки подняться и встретить необычную гостью. Слепая пришла в том же самом пальто, на ногах – ботинки на толстой подошве, а на голове лихо сидела капитанская фуражка, напоминающая фуражку отца Вероники. Девушка ощупывала палочкой дорогу, но двигалась при этом очень уверенно, будто хорошо знала этот дом, будто она уже здесь бывала. Почему ты решила прийти? Мне понравился твой запах. Ей понравился... Странно. Я всегда была уверена, что у меня не слишком приятный запах, пыталась бороться с ним, бесконечное мытье, подмывания, дезодоранты...

Девушка подошла к полулежащей Веронике, наклонилась. Протянула руку к ее лицу. Не беспокойся, я хочу с тобой познакомиться поближе. Можно мне сегодня быть твоим капитаном? Бережно касалась лица, осторожно вела пальцами по волосам, шее, плечам – ощупывала или ласкала? Какая же ты красивая! Я сразу поняла, что ты красивая. Тогда догадалась, а теперь знаю точно.

Повернулась назад, отыскивала палочкой стул. Сняла фуражку, рюкзак, коротенькое пальто и ботинки. Осталась в джинсах с подтяжками и рубашке мужского покроя. Девушка казалось совсем худенькой. «Какая ладная», – подумала Вероника.

– Подойди ко мне, маленький капитан. Ближе. Ближе. Сядь рядом. Вот так. Сними очки, я хочу на тебя посмотреть. Открой глаза. Замечательные глаза, – «жаль, что ничего не видят, но от этого не менее интересные», – подумала Вероника, но вслух ничего не сказала. – Какая у тебя светящаяся кожа. И милые веснушки. А розовые пятна на лице и руках почти совсем не видны. Ты знаешь, что у тебя восхитительный чувственный рот? И алые губы. Знаешь, что такое алые губы? Это губы, которые созданы для поцелуя. Нет, нет, не надо меня целовать. Пока не надо. Давай немного привыкнем друг к другу. Помоги снять рубашку. Какие нежные ласковые руки. Сними свою рубашку. И брюки тоже. Ты очень привлекательная, тебе говорили об этом? Твой первый мальчик тоже был слепой? У тебя трогательное, почти детское тело.

Слепая скинула с себя все, потом раздела Веронику, целовала ей плечи, грудь, живот, нежные складки на сгибе ног у лобка.

– Тебе неприятно, что у меня экзема?

– Не думай об этом. Позволь мне притронуться. Где у тебя болит? Да, да, я чувствую. Здесь так сильно печет руку. Буду целовать рядом, в самые укромные уголки. Я так рада, что встретила тебя. Наверное, я тебя люблю, Вероника. Тебе будет хорошо со мной, потому что я тебя по-настоящему люблю. Все пройдет. Надо только простить маму, и все пройдет. Талифа куми, чудная Вероника, встань и иди, несравненная Вероника.

Апельсиновое солнце улыбалось, оно, возможно, одобряло объятия молодых женщин. А может, и нет – неизвестно. Наверное, солнце все одобряет, ему это совсем нетрудно. Просто его не волнуют наши человеческие дела.

* * *

Вероника пробудилась – боже, как хорошо! Она полулежала на диване. Верхние пуговицы рубашки оказались расстегнутыми. Оглянулась по сторонам – в доме никого. Только она и вечернее солнце.

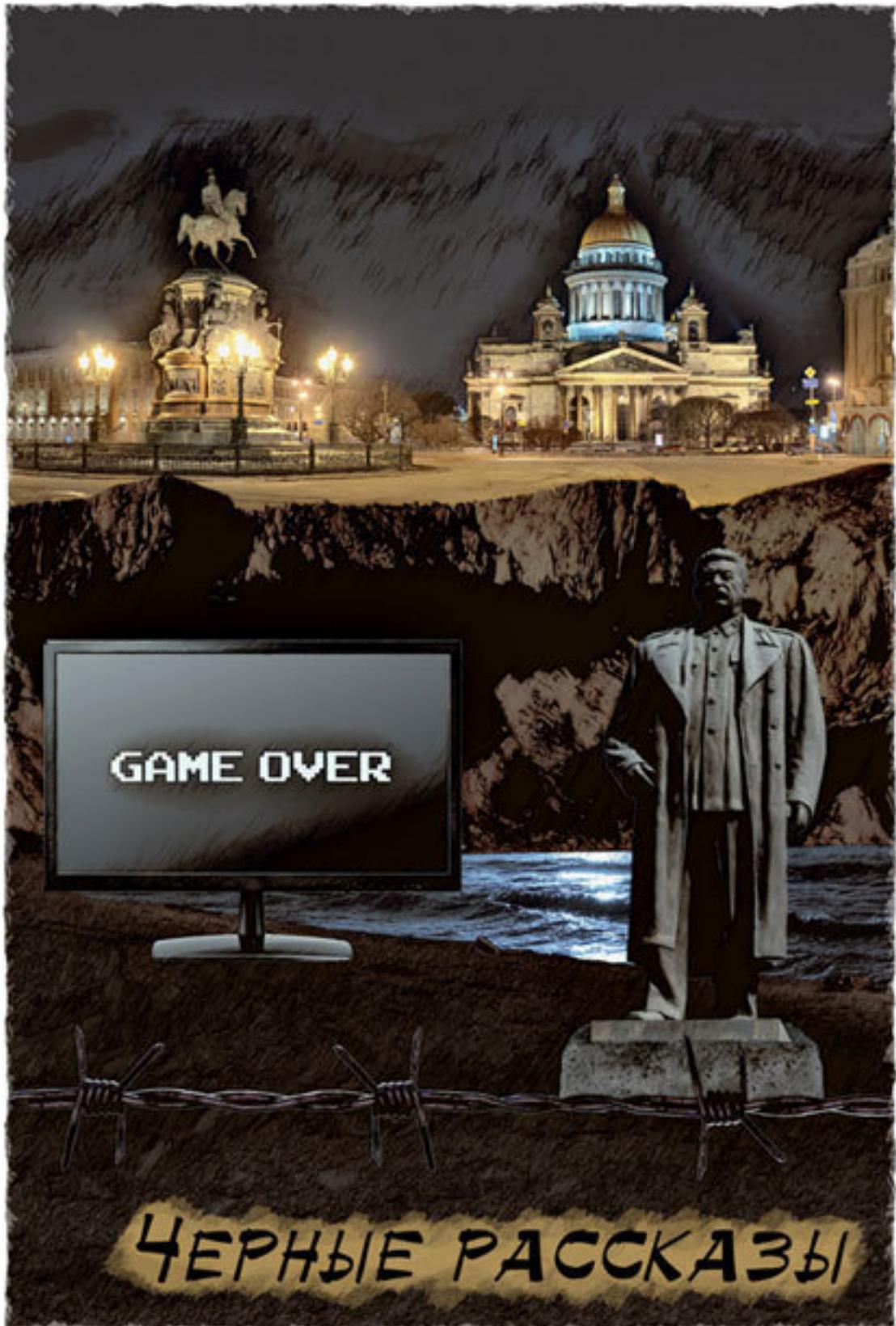
Бронзовые лучи согревали лицо, шею, грудь. Проникали сквозь кожу, тепло разливалось по кровеносным сосудам и доходило до каждой клеточки тела. Никаких неприятных

ощущений. Только сладкая нега и предчувствие счастья. Почему предчувствие? Ощущение полноты жизни и счастья. Здесь и сейчас.

Где эта слепая девушка, она уже ушла, или это только приснилось? Если приходила во сне, значит, ей хотелось увидеть меня. Как слепая может «видеть»... Может. Только по-своему. Она же «разглядела» мою маму. Я тоже, наверное, хотела увидеть еще раз эту нестигаемую малышку.

Жарковато на солнце. Вероника сняла рубашку, стянула брюки и полураздетая босиком подбежала к окну. Восхитительная осень, оранжевые листья, рыжая белка собирает орешки на лещине. Ладонь произвольно коснулась внутренней поверхности бедра. Не чешется, не болит. Вероника посмотрела на экзему. Болячка сжалась и подсохла, ее край отошел и завернулся. Аккуратно подцепила его, болячка легко отошла, открылся участок нежной, розовой кожи.

Черные рассказы

Город, которого нет

31 декабря 2006 года Леша Болгарин переехал в новую трехкомнатную квартиру своего друга Артура в центре Киева. «Перебирайся ко мне, – сказал Артур, чемпион Украины по армрестлингу. Поживешь здесь, места хватает, семьи пока нет, потренируемся вместе, приведешь себя в порядок – совсем доходягой стал. Осмотрись, поднакопи денег, а потом снимешь жилье».

31 декабря. Как заманчиво в Новом Году начать новую жизнь. Алеше – тридцать пять. Когда еще, если не сейчас?

Рано утром привез свои вещи. А вещей-то этих... С воробьиный нос. Диски с фотографиями – Алеше нравилось фотографироваться. Шмоток совсем мало – Леша любил и умел одеваться, но одежды не накопил, все, что было, растерял из-за своей постоянной кочевой жизни; одежды, обуви – самый минимум.

Крестик золотой. Еще один крестик, выведенный двумя лаконичными рисками на маленькой стальной полированной бляшке, со стальной же цепочкой, подаренные ему другом из зоны в Кременчуге, положенцем Антимозом, известным вором в законе, в благодарность за борьбу с чеченами, пытавшимися перекроить сферы влияния на зоне.

«Перспективный парнишка», – говорил тогда о Леше Антимоз. Там, в зоне, Леша получил кликуху «Болгарин». Сам же и рассказал братанам, что Алешей его называли, потому что его мать, красавица Жанна, незадолго до рождения сына пела на сцене популярную тогда песню «Стоит над горою Алеша – Болгарии русский солдат». Вот и стал «Болгарином».

Сколько воды утекло с тех пор, сколько лет минуло. Теперь уже не упомнишь, когда это случилось. Десять лет назад, двенадцать? Еще Алеша привез на новое место компьютер и установку для тату. Несколько лет назад он стал одним из лучших на чемпионате Украины по тату, и до сих пор известен в Киеве как татуировщик с твердой рукой, владеющий популярным в среде молодежи готическим стилем. В его арсенале были замки, кинжалы с кровью, оскаленные морды волков и всякой нечисти, черепа, жестокие красавицы-киллерши, цепи, да мало ли чего там не было. В общем, Леша считался модным мастером татуировки, его приглашали в разные салоны, да и собственной клиентуры у него было предостаточно.

Планшеты, мольберты, краски, кисти, эскизы новых дизайнерских проектов – все осталось у Ирины. Она оплачивала, пусть ей и достаётся. Успею еще обзавестись всем этим. Может, найду работу в каком-нибудь другом дизайнерском бюро, там все и дадут. Или потом у Ирины заберу. Сейчас ему хотелось поменьше ее видеть. Забыть, как страшный сон. Вместе с работой в ее дизайнерской шарашке. Вместе со всей его прошлой никчемной, постыдной, сумбурной жизнью, наполненной легкомысленными порывами, пустыми надеждами, безнадежными авантюрами, опасными срывами и тяжелыми падениями.

Если начинать заново, – когда, если не сейчас? Во-первых, об этом говорят цифры. Леша любил рассуждать о влиянии цифр на жизнь человека. «666» – число дьявола. Просто «6» – трудное начало. «4» – самое плохое число. «9» – божественное число, символ совершенства и гармонии. На новом месте встречу новый 2007 год, «два» плюс «семь» – «девять». В 2007-ом мне будет 36, «три» плюс «шесть» – «девять», куда ни посмотри – везде знаки свершения и перемен к лучшему. Да и пора уже. Тридцать пять лет жизни коту под хвост. Сколько раз пытался начать заново, жить по-настоящему, всерьез, набело, все что-то мешало.

Кременчуг. Game 1

Ночь и тишина, данная навек.

*Дождь, а может быть, падает снег?
Все равно, бесконечной надеждой согрет,
Я вдали вижу город, которого нет.*

Регина Лисиц

Алеша воспринимал жизнь как некую компьютерную игру. Игра эта начиналась так легко и хорошо. Почти все детство и юность он провел в Кременчуге, в доме деда с бабушкой по материнской линии. Мать тоже жила в Кременчуге, отдельно от них, появлялась редко. Придет, поиграет с ребенком, посмеется и исчезнет. У нее своя жизнь, свои дела.

Кременчуг. Сцена для комедии Гоголя «Ревизор». Каким видел Гоголь «уездный город N»? «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». Правда, все правда, совсем кривой была «рожа» «уездного города N». Глубинка. «Хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». Чиновники: судьи, попечители богоугодных заведений, смотритель училищ, почтмейстер. А над ними – городничий, маленький царек.

Узнаём у Гоголя о такой важной детали уездного города – о мосте через Днепр. И сейчас, в наше время, мост этот – по-прежнему средоточие всех движений: из центра «на ту сторону», где заводы и сады, «с той стороны» – в центр. Где местную власть олицетворяют заштатные низенькие здания, окрашенные в невыразительные тона, где вольготно раскинулся приднепровский парк с нелепыми статуями.

Старый «забор возле сапожника». Боже мой, забор сохранился, 150-ти летний, никак не меньше. Как раз рядом с «Домом обуви». Как и раньше, возле забора «навалено много всякой дряни». Есть и «будка, где продаются пироги». Училище тоже есть. Сохранилось, черт побери. Педагогическое теперь, имени Макаренко, во как! И больница, и почта, и присутственные места. Что за присутственные места? Да много их, этих мест. Обком партии, например, вот уж где всегда кто-нибудь да присутствует, и точно, что не последние люди. И всё это, конечно же, – и больница, и училище, и почта – всё в плачевном состоянии. Потому что чиновникам наплевать. Городничий и чиновники делают в городе, что хотят. Живут для своего интереса. Как во времена Гоголя, так и во времена юного Алексея.

Городничий, как и его семья, мечтает о Петербурге: «Вот где настоящая жизнь!» В семье такого городничего и вырос маленький Алеша. Не самого большого, главного городничего. Городничего поменьше.

Рос он в трехкомнатной квартире в самом центре Кременчуга, с окнами на центральную площадь, в доме на улице Ленина, естественно. Это квартира отца его матери, деда Толи. Харизматичный, властный мужчина, еще в силе. Когда-то полковник военной авиации. Теперь – замдиректора огромного вагоностроительного завода. По кадрам, конечно. Стоял на страже, чтобы в руководящие должности завода не затесались всякие там космополиты безродные. А если уж есть такие, Косыгин сказал: «Старых не выдергивать, новых не вставлять». Пусть ведут себя подобающим образом – тише воды, ниже травы, пусть вкалывают, приносят пользу советской родине, и пусть не претендуют на должности и оклады.

Дед Толя – член бюро обкома и дружен со всеми «отцами города». Да и сам он был, конечно же, настоящим «отцом города».

Этим «отцам» совсем незачем было красть или брать взятки, как в стародавние времена. В эпоху «развитого социализма» отцы города распоряжались по своему усмотрению государственной, то есть общенародной собственностью. Распоряжались как своей. Квартиру в центре деду выделили. «Волгу» последней модели выделили. Катер, причал, да что там причал. Дед ощущал заядлым охотником и рыболовом. А заодно числился инспектором охоты и рыболовства. Так что отцы города выделили ему в надел за особые заслуги перед советской властью кусок Днепра ниже плотины Кременчугской ГЭС, на несколько километров вниз, вместе с плавнями и многочисленными островами, самый богатый рыбой участок

реки, а также и дубраву с плавнями в ста километрах от Кременчуга, где, будьте уверены, и птица водится, и кабанчик пасется. Дед Толя мог там и охотиться, и рыбу ловить. Другим же мог запретить промысел – тем, кто без спроса, без его, Толиного разрешения, то есть тем, кто браконьерит; а кому-то, наоборот, – разрешить от широты душевной, под настроение, например, своей царской милостью.

Дом у деда Толи – полная чаша. Баба Надя, скромной красоткой когда-то привезенная им из Белоруссии, – тогда он был еще бравым летчиком, и все молодухи для него были «чего изволите, Анатолий Петрович?» – круглый день занималась хозяйством, домом, двумя дочерьми, чтобы все были обшиты, накормлены и обласканы. Да и деду все подай, да принеси. А домработница? Да вы что, мы не буржуи какие-нибудь, а Надюшка-то моя – шустрая, все сделает. Надя, принеси мне другой мундштук. Этот короткий, да прогорел. Да, да, подлиннее. А, и сигареты кончились. Сбегай-ка в магазин. И смотри на фабрику. Чтоб не получилось, как в тот раз.

В общем, Алеша рос аккурат в доме государева городничего. И знал, что вся эта сказочная, офигенно богатая земля ждет того часа, когда он вырастет, осмотрит, обведет ее орлиным взором, развернется богатырским плечом, да и станет ею «володеть» по праву любимого внука комгородничего. А земля, надо сказать, действительно была бесподобной. Климат нехолодный – нежаркий, сухой, Полтавщина, почитай. Цветы. Батюшка Днепр теплый, да ласковый. Пройдут Алеша с дедом на моторке два круга. Первый круг – возьмут «на проводку» судачка, посуше рыба будет. Второй круг – жерех, а то и сомик, пожирнее рыба, да на острова, уха на костерке, две разные рыбы – в самый раз уха получится. Дед решил, к примеру, остаться, переночевать в палатке до утреннего клева; Алеша связал одежду в узел, и айда вплавь, вместе с друзьями, узлы над головой, обратно с острова на берег, домой, под заботливое крылышко бабы Нади. Такая вот щедрая да любящая, ласковая к детям и внукам важняков советская Родина.

С матерью редко виделся – что с того? С матери что возьмешь? Разве что посмеяться, пошутить... Алеша понял – мать не надо принимать всерьез. В свое время Жанна сделала отличную партию. Появился у порога их квартиры, откуда взялся неизвестно, высокий, сильный парень из Ленинграда. Из Ленинграда! Мечта городничего и всей его семьи. Ленинград – почти Петербург, почти столица. Да еще и толковый, не Хлестаков какой-нибудь. Диссертации защищает, научные статьи пишет. Главное, что зарабатывает неплохо. Городничий Толя надувался от важности, ханжеским тоном объяснял «недотепе» из Ленинграда, что тот должен быть особо тактичен и аккуратен с его дочкой Жанной, поскольку она еще девушка, никем не тронута и не знала прикосновения мужчины. Когда Алеша вырос, его отец со смехом вспоминал об этом, он и тогда понимал, что не первый у Жанны, что она до него и замужем успела уже побывать. Но объяснять Алешиному деду ничего не стал. Аккуратней – так аккуратней. Поездили взад-вперед, да и поженились.

Тогда и появился Алеша. Прожили недолго. Почему-то быстро развелись. Мать Алеши, видимо, любила отца. Но говорила о нем с легким пренебрежением: «Твой отец – такой весь из себя правильный, никогда налево не смотрел. Станный парень». Вот уж совсем разными людьми были его родители.

Алеша был еще совсем малышом, когда мать вместе с ним устраивала вояжи по городам. Какое-то время жили в Куйбышеве. Уехали туда вместе с маминым врачом. Он мать боготворил, а Алешу никак, кроме как «мелкой мразью» и «выродком» не называл. Сейчас Алеше трудно оценить, что там между ними вышло. Знает только, что мать прямо на его глазах разбила бутылку о голову своего «дружка». Тот долго лечился. Потом опухоль. Когда «дружок» стал совсем уже никаким, они вернулись в гнездышко бабы Нади. И больше уже никуда не летали. Здесь и началась счастливая кременчугская жизнь юного Алеши.

Запомнились вечера, которые они проводили всей семьей, вместе с маминой сестрой тетей Нонной, младшей любимой дочкой деда, в сельском доме в поселке Крюково на правом берегу Днепра, у родителей деда, то есть у прабабки и прадеда. От этих вечеров оставались самые лучшие воспоминания. Дед играл на баяне, пел приятным с хрипотцой голосом советские и украинские песни. Скидывал личину государственного мужа, отягощенного полномочиями и думами о судьбах Родины, и становился, видимо, тем самым летчиком Толей с очаровательной улыбкой, на которого в Кременчуге когда-то заглядывались все дивчины с соседних улиц. Мать, с ее грудным сильным голосом, вообще пела классно, она в то время еще выступала иногда, принимала участие в концертах. Объявляли ее так: «Лауреат и победитель конкурса «Весенний ключ» неподражаемая...». Это лауреатство она привезла из Ленинграда. А вот прабабка Наталья, огромная толстая старуха, – это просто фантастика – у нее был феноменальный голос. Когда она пела, стеклянные подвески люстры в гостиной начинали звенеть и жалобно дребезжать. Леша не пел. Не унаследовал от матери ни голоса, ни слуха. Зато прекрасно рисовал, ходил заниматься в художественную школу.

В Ленинград Алеша ездил каждый год. Иногда – два раза в год. Отец забирал его на каникулы. Когда Алеша подрос, ездил сам. Две ночи и один день в поезде – и вот он в Ленинграде. У «воскресного папы». Отец проводил с ним все дни каникул, с утра до вечера. Даже, когда у отца появилась новая семья и второй сын. Много говорили, гуляли по городу. Ходили на выставки, в музеи. Это всегда превращалось в праздник. Ходили в лес, на озеро. Запускали воздушного змея. Запомнилась соседская девочка Элла, младше Алеша на два года. Живая как ртуть, быстрая, веселая. С огромными черными глазами и длинными ресницами. Они иногда играли вместе в палисаднике на Малой Охте, рядом с домом отца. «Лезем на дерево», – кричала Элла, и пока Алеша забирался на нижнюю ветку, она оказывалась наверху. «Вниз, вниз!». Алеша примеривается, куда поставить ногу, а она – вжиххх, прыжок с самой верхотуры – и уже на земле. Огонь, а не девочка.

Алеше было хорошо в доме отца. Рядом с отцом все предельно ясно. Определенно. Спокойно. Маленькие командировки в Эдем. Конечно, он никогда так не формулировал, не думал. Просто чувствовал себя в доме отца почти как в раю. В жизни все вставало на свои места. «Там для меня горит очаг, как вечный знак забытых истин».

Забытые истины... Забытые... Но ведь они существуют. Доброта, сила, открытость. Спокойствие, честность. Потом Алексей возвращался в Кременчуг. Там до поры тоже был рай. Советский лживый рай. Созданный для важняков. Рай за счет других. Алеша был тогда мал и многого не понимал. Ему просто было скучно. И подростком, и юношей у него не было представления, чем ему в жизни придется заниматься. «Володеть землей малороссийской», так ему казалось. И об этом он тоже не думал именно так, в таких терминах. Чувствовал и все.

Тоска. Закончил ПТУ, стал столяром. В характеристике записано: «ленив, пассивен, безразличен, хотя способностей и сообразительности не лишен». А зачем быть активным? Ему в этой жизни и так все разрешено, все сходит с рук. Плюс хороший, мягкий характер, незлобивость, доброжелательность. Друзья по уличным проказам любят его. Вот такой иллюзион. Такова компьютерная игра. Что ты ни сделаешь, как ни поступишь, все имеет положительный ответ, все неплохо. Ни наказаний, ни поражений, ни неудач! Солнце светит. Фрукты растут. Каждый день несколько свиданий. Девочки любят его, в голове все перемешалось от множества имен, адресов и телефонов. Приходит с новой знакомой в кафе. Посидели, девушка не понравилась – плохо говорит, глупая, попа вислая, ногти неухожены – извини, мне в туалет, и уходит, не прощаясь. Бывало иногда – во второй раз знакомился с уже знакомой девушкой. Ах, что за жизнь! Совковый рай.

Рухнул совок, рухнула, казалось бы, нерушимая семья. Скончались прадед и прабабка. С небольшим разрывом во времени. Дом с вишневым садом в Крюково поменяли на квар-

тиру в центре для матери. Жанне сделали операцию на сердце. Она, еще молодая, а уже почти инвалид. С тех пор Алеша совсем редко видит ее. Чужой человек. С глаз долой – из сердца вон. Пришла – хорошо, поцелуемся; не пришла, не звонит, – ну и ладушки. Не вспоминал, не беспокоился.

Милая тетушка Нонна давно уже вышла замуж за вертолетчика Витю, уехала с ним в Ужгород, по месту работы мужа. Жанна фыркала: «Нашла, за кого замуж выходить. Витя, конечно, смазливый, но тупой, наглый, два слова связать не может, и весь в псориазе». «Молчи уж. У тебя и вообще мужа нет, кто с тобой уживется?». У Нонны с Витей два сына, Алешкины братья, Сашка и Максим, младше Леши на год и на три года соответственно. На лето их привозят к бабе Наде. Братья дружили, в те времена они еще дружили. Алеша особенно любил веселого, жизнерадостного Максимку.

Наступила черная пора. Девяностые. Рухнул Союз. Распалась Советская империя. Разгул бандитского рынка, беспредел. Неожиданно пропадает дед. Уехал по делам и не вернулся. Ищут все. Милиция, госбезопасность. Через два месяца находят в степи брошенную «Волгу». Только автомобиль. О судьбе деда так ничего и не удалось выяснить. Бабушка Надя стала сама не своя. Для кого жить, если нет Толи? Болела сильно. Нашли онкологию. Уехала к дочери в Ужгород. Настало время, чтобы уже ей помогли. На Жанну надежды никакой. Ни мать поддержать, ни сыну умное слово молвить. Сама больная. Голова у нее поехала. Связалась с сектантами. Большая семья мгновенно рассеялась как дым. Алеша остался один. Один, как перст.

Съездил к отцу в Ленинград. Что отец может сказать? Небожитель. Похвалил футболку, шузы. Спрашиваю: «Товар загнал в Москву, как деньги получить? Не хотят платить». Советы его известны. «Учиться надо. Поступать на экономический факультет». Сейчас Алеша понимает. Тогда еще был шанс поставить жизнь на правильные рельсы. Поступить в военно-строительное училище в Пушкине под Ленинградом. Остаться под крылышком у отца. Так ведь это военное училище. Бегать по морозу. Учить математику. Плыл Алешенька по воздушным волнам словно бумажная птичка. Куда ветерок понесет. А куда ветер понес? Остался один – одинешенек в пустой квартире. С кучей дворовых друзей-недоумков. Такая компьютерная игра. Все шаги правильные. Нет риска потери компьютерной жизни. А жизнью этих навалом. Гуляй – не хочу.

Алеша просматривает фотографии тех лет. Его свадьба. Лялягуль (лилия, тюльпан) – маленькая татарочка, шестнадцатилетняя красотка из Казахстана, младше его на два года. Лицо глупое. У него, Алексея, на фото – тоже довольно глупое лицо. Дворовые друзья, веселые хлопцы, смеются, хохочут, лица глупые... Сколько ума, такова и судьба их. И моя тоже. Бесцельная жизнь. От деда остались деньги. Бабы Нади нет. Сашки с Максимом нет. Матери, считай, тоже нет. Отец далеко. Со своими постными советами. Один как перст. Только вот эта маленькая дура рядом под одеялом. Зачем надо было жениться? Переспать – и так жили вместе, Ляля не возражала. Вокруг бушует бизнес. Бизнес во всем. Бригаду я собрал. Мальчишки мне в рот смотрят. Крышуем ларьки, магазины. Мелочь, а не бизнес.

Гринберги из квартиры снизу, друзья деда и бабули, они меня сызмальства знают, сказали, что их родственники, тоже из Кременчуга, отъехали на полгода к детям в Америку. Семья богатая. Вещей, драгоценностей, видимо, немало. Тогда мы и взяли их квартиру. Чемоданы ночью занесли ко мне. Я думал, полгода никто не хватится, мы тихонечко все реализуем.

Оказалось, по-другому. К ним приехал племянник. Обнаружил, что двери взломаны, что многое пропало. Короче, меня забрали на третий день. Так называемая жена тут же сбежала к родителям в Казахстан.

Мать нашла тетку-адвоката из Киева, раньше здесь в Кременчуге жила. Звонит отцу – выручай сына. Отец встретился с адвокатшей. Оплатил ее работу. Короче, получил я по

минимуму. Потом та же адвокат пробила УДО – условно досрочное. Вышел, встретился с коллективом. Пацаны «работали» все это время. Собрали деньги мне на «Мерседес». Отметили освобождение. Пошли ночью в парк, пострелять по скульптурам, боевыми, конечно. Менты уже пасли меня. Что-то мне приписали. Пришли домой арестовывать. Я не открываю. Они знают меня, вместе на Днепр бегали когда-то. Получается, что тоже приятели. Ломают двери. Кричат: «Не стреляй, сдавайся, Леха!». Как весело! И пошло, поехало. Короче, к 25 годам у меня было уже три ходки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.